

Пугливая герцогиня

Автор:

Аманда Маккейб

Пугливая герцогиня

Аманда Маккейб

Исторический роман – Harlequin #24

Эмили Кэрролл всей душой хотела оправдать надежды своих родителей, мечтавших о достойном и состоятельном зяте. Но, несмотря на красоту, изящные манеры и принадлежность к старинному роду, Эмили не пользовалась успехом в свете, ее считали холодной и скучной, Ледяной Принцессой. И лишь Николас, герцог Мэннинг, красивый, умный и смелый мужчина, сомневался в том, что это так. Ему, без сомнения, нравилась леди Эмили, но жениться... Нет, это не входило в его планы, слишком жива была память о его первом, трагически завершившемся браке. Однако случилось так, что он вынужден был сделать предложение мисс Кэрролл, но оба они сомневались в том, что их союз может быть счастливым...

Аманда Маккейб

Пугливая герцогиня

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

В эти мгновения леди Эмили Кэрролл всей душой желала, чтобы отполированный до блеска паркетный пол разверзся под ее атласными туфельками, и она тотчас провалилась в геенну огненную, только бы не оставаться на балу леди Орман.

Эмили притаилась за пальмами и, прислонясь спиной к шелковым обоям, наблюдала за толпой сквозь длинные зеленые листья. Этот прием у леди Орман был событием сезона. Все, кто хоть что-то представлял собой, и даже несколько человек, проскользнувших исключительно при содействии лакеев, – все сегодня собрались в сверкающем зале. Тысячи свечей проливали свет на ослепительные шелковые наряды, шуршащие кружевные веера и отражались в блеске изысканных сапфиров и рубинов.

Одни гости кружились по гостиной, исполняя затейливые фигуры контрданса, другие наблюдали за танцующими по краям и в уголках комнаты, смеясь и весело болтая. Их голоса сливались в сплошную пронзительную какофонию, разобрать в которой хоть слово не представлялось возможным.

«Однако вряд ли это имеет значение, – думала Эмили, – вряд ли кто-нибудь на подобном светском собрании имел намерение вести серьезные разговоры». Все собрались здесь лишь с одной целью – показать себя, свою значимость и важность. Недаром их пригласила на бал сама леди Орман. Они истратили огромные деньги на портних, модисток и парикмахеров, чтобы, подобно сардинам в бочке, набиться в эту душную гостиную, где затопчут подола шикарных платьев, опадут от жары завитые локоны, а от тщетных попыток перекрычать друг друга заболит горло.

И ради чего? Ради сомнительного удовольствия лицезреть свои имена в газетах? «Мистер и миссис такие-то были замечены на приеме у леди Орман...»

Эмили вздохнула. Без сомнения, было множество возможностей не то что более приятного, но гораздо более полезного времяпрепровождения. Однако ее родителям и брату Роберту, похоже, все это очень нравилось.

Она стояла на цыпочках и сквозь листья пальмы наблюдала, как ее брат танцует со своей молодой женой Эйми. Они смеялись, кружась в танце, их лица светились от удовольствия. Надо заметить, Эйми любила бывать в свете, она была общительна и любезна, что было как нельзя кстати для Роба, только начавшего политическую карьеру. Они действительно составили замечательную пару, даже если бы старинный род Эйми и не имел бы значительного состояния. Во всяком случае, так говорили родители Эйми, граф и графиня Морби. Род Эйми, столь же древний, как и их собственный, и ее общительность стали хорошим вложением и отличным поводом для Роба выбрать невесту по собственному усмотрению. «Кроме того, – отмечали родители, бросая на Эмили косые взгляды, – Эмили непременно составит нашу удачу. Она просто обязана успешно выйти замуж!»

Правда, до сих пор Эмили была для них всех большим разочарованием без единого намека на то, что в ближайшее время она составит партию какому-нибудь титулованному или богатому жениху. Да и вообще хоть какому-нибудь жениху. А подходящая для этого пора тем временем уже подходила к концу.

Она бессознательно подняла руку и уже начала было нервно грызть ноготь большого пальца, как вдруг вспомнила, что на ней шелковые перчатки. Ее рука снова упала, сминая края вышитых серебром белых шелковых юбок. Ах, когда же, наконец, развернется этот ненавистный пол?

Непрекращающийся шум, жара и удушливый запах плавящихся свечей и разнообразных духов тяготили ее на протяжении всего вечера. Между тем уже совсем скоро ей придется покинуть свое маленькое убежище за пальмами и присоединиться к родителям. Те как раз планировали подыскать ей партнера на следующий танец. Так происходило каждый раз, на каждом балу – они пытались свести ее с богатыми лордами, и молодыми, прыщеватыми, и пожилыми, тучными. Родители восхваляли перед ними ее красоту и добродетель, пока сама Эмили стояла рядом, краснея от стыда.

Позволить это своим родителям было наименьшим из того, что она могла для них сделать, после горького разочарования, которое им довелось пережить по ее вине прошлым летом. Тогда они отправились на прием в загородный дом печально известного поместья Вельбурн с намерением познакомить Эмили с новым герцогом Мэннингом, Николасом, чей отец был верным другом семейства Кэрролл, и, возможно, даже выдать ее за него замуж.

Конечно, они не говорили об этом напрямую, но по тому, как тщательно и нервно готовились к приему, обсуждали достоинства Николаса, его прекрасную внешность, все и без слов было понятно.

Эмили же не только не смогла завязать с герцогом хоть какие-то отношения – она была не в состоянии даже заговорить с ним. Робость и застенчивость всегда овладевали ею в обществе мужчин, а в нем и вовсе таилось нечто такое, что по-настоящему пугало ее. Он – сама доброта и учтивость, и стоило ей лишь взглянуть в его прекрасные небесно-голубые глаза, как в горле начинало першить, а предательский румянец заливал лицо. После чего она замечала, как его приветливая улыбка становится все более озадаченной, а сам он отдаляется от нее. В какой-то мере Эмили даже испытывала облегчение. Он и вся его семья были так жизнерадостны, полны безудержного веселья и легкомыслия, она же, в противоположность им, тихая, спокойная и серьезная. Нет, они никогда не смогли бы составить хорошую пару, правда, ее родители этого не понимали. Такая серая мышка, как она, никогда не смогла бы стать частью пышущего жизнелюбием семейства, и гораздо лучше не предпринимать к этому никаких попыток.

С того приема и после свадьбы Роба той же осенью отчаянные попытки родителей устроить ее будущее становились все менее и менее успешными, даже несмотря на то, что в их доме стали постепенно исчезать картины и прочие предметы роскоши.

– Она ведь так красива! – нечаянно услышала Эмили причитания матери. – Пожалуй, в десять раз очаровательнее любой юной леди в этом сезоне. Почему, почему она не может порадовать нас хотя бы одним приемлемым предложением?

– А как же мистер Браунинг? – осторожно поинтересовался отец.

– Торговец, – фыркнула мать. – Отец семерых детей.

– Но он богат.

– Мы не настолько стеснены в средствах, чтобы отдавать нашу дочь какому-то торговцу.

– Пока нет, – проворчал отец, когда Эмили уже убегала, чтобы не слышать более ни слова.

Ее ничуть не смущало, что мистер Браунинг занимался торговлей, но его семеро детей... Кроме того, он на двадцать лет старше ее, и у него были чересчур хваткие и вечно потные ладони. В отличие от прекрасных рук Николаса с длинными изящными пальцами, однажды сжавшими ее ладонь, когда он помогал ей сесть в экипаж. В любом случае оба совершенно не подходили ей, каждый по-своему. И наверняка родители не стали бы силой выдавать свою дочь замуж за того, кто ей неприятен, и уж тем более если бы знали, что тогда произошло между ней и мистером Лофтоном...

– Я не хочу разочаровывать, – прошептала она. Ах, если бы не ее ужасная застенчивость, всякий раз сковывающая рассудок и беспощадно лишаящая дара речи в присутствии незнакомца...

– Вы знаете, на мой взгляд, приемы в этом сезоне оставляют желать лучшего, – услышала она мужской голос где-то совсем близко от своего укрытия, так что смогла четко различить каждое слово.

– Полностью согласен, – ответил его собеседник утомленно, нарочито растягивая слова. – В былые времена у леди Орман собирались исключительно сливки общества, теперь же она, похоже, пускает всех без разбора.

Эмили снова выглянула из-за зеленых пальмовых листьев, стараясь рассмотреть лорда Бэррингтона и мистера Фрейзера, пустых и совершенно никчемных франтов. Однажды ей пришлось вытерпеть целый танец с лордом Бэррингтоном, в течение которого он без умолку болтал о каком-то новом способе завязывать шейный платок или что-то в этом роде. Вот и теперь слушать сплетни не хотелось совершенно, но проскользнуть мимо них незамеченной не представлялось возможным. Таким образом, она оказалась в ловушке.

– Если так пойдет и дальше, придется в поисках более изысканных развлечений отправляться в Брайтон, – сказал мистер Фрейзер, – а возможно, и за границу. Подумать только, даже вино сегодня какое-то безвкусное.

– Я целый час стоял вон там, наблюдая за проходящими мимо дамами, – заметил лорд Бэррингтон, указывая на одну из стен лорнетом, который держал в руке, –

и насчитал лишь десяток более или менее сносных и только двух по-настоящему милых.

– Неужели? И кто же это?

– Миссис Фезерстоун и виконтесса Грантон, – ответил лорд Бэррингтон, имея в виду Эйми.

– О да, никто не сравнится по красоте с леди Грантон. Она в самом соку. А что насчет ее золовки, леди Эмили Кэрролл? В моем клубе ее находят чрезвычайно хорошенькой.

– Она, несомненно, очаровательна, с ее светлыми волосами и бледной кожей, – презрительно фыркнул лорд Бэррингтон, – но она словно замерзшая, не может и двух слов связать, только стоит, уставившись на тебя своими холодными, безразличными зелеными глазами. В моем клубе ее называют Ледяной Принцессой и делают ставки на предмет того, кто же окажется тем беднягой и безнадежным дураком, который женится на ней к концу этого сезона. Пока лидирует мистер Рейберн. На супружеском ложе он, несомненно, отморозит свой...

Каким бы ни было грубое слово, которое едва не слетело с его языка, его поглотило их сдвоенное хихиканье. Эмили спрятала лицо в ладонях, в это мгновение ей больше всего на свете хотелось провалиться сквозь землю. Вовсе она не была Ледяной Принцессой! Напротив, она чувствовала, что сгорает от стыда и смущения.

Ей безумно хотелось расплакаться, забиться в угол и исчезнуть, навсегда исчезнуть с этого ненавистного бала.

Но она из рода Кэрролл и не могла позволить себе подобной слабости. Возможно, ее семья уже не так богата, но определенно может гордиться своей историей. Во времена правления Генриха VIII им грозило заключение в холодные подземелья Тауэра, они пережили нищету во времена гражданской войны и бунты при Чарльзе II, а ее дедушка, заядлый игрок, был вынужден дважды бежать во Францию, дабы спастись от кредиторов. Нет, два каких-то хихикающих хлыща не смогли бы взять над ней верх, даже если бы она провалилась от смущения.

Эмили разгладила ладонями подол платья, заправила свои светлые волосы под расшитую бисером ленту и распрямила плечи. Она не смогла справиться с предательским румянцем, пылавшим на ее щеках, но, выбравшись из своего укрытия, проследовала мимо этих двоих с высоко поднятой головой.

Она бы, пожалуй, даже посмеялась над их вытянувшимися от изумления физиономиями, не имея намерения как можно скорее убраться отсюда.

Вдохновленная своей непреклонной решимостью, она пробралась сквозь плотную толпу и, стараясь не столкнуться с матерью, поторопилась миновать широкие двустворчатые двери передней. Там тоже были люди, пили «безвкусное» вино, не обращая на нее никакого внимания.

Эмили старалась отдышаться, потирая свои горящие румянцем щеки. Здесь было гораздо спокойнее. Овладев собой, она почувствовала необходимость выйти на улицу хотя бы на мгновение. Хотелось побыть одной, вдохнуть немного свежего воздуха.

Еще не определив, куда именно идти, она ринулась вниз по винтовой лестнице. Когда они только прибыли на бал, эта мраморная золоченая витиеватая лестница была сплошь заполнена гуляками и повесами, которые с нетерпением ожидали своей очереди войти в зал и тем временем выкрикивали приветствия, громко восхищаясь новыми нарядами друг друга. Теперь, слава богу, здесь было пусто, свечи, тихо потрескивая, бросали на стены тусклые, загадочно танцующие тени.

Постепенно бессвязный шум бала становился все глуше, и вот уже Эмили слышала только легкое постукивание каблучков своих туфель, скользящих вниз по мраморным ступеням, шелест платья и частое биение собственного сердца.

Ее так захватила идея сбежать с этого бала, что она не обратила внимания на мужчину у подножия лестницы, пока его темный силуэт внезапно не шевельнулся на фоне белой стены. Напуганная неожиданным движением, Эмили вздрогнула, потеряла равновесие на последней ступеньке и поскользнулась, разорвав подол своего прекрасного бального платья. Она вскрикнула и выбросила руки вперед, чтобы удержать равновесие и не упасть на холодный каменный пол. Однако болезненного удара о твердый камень не произошло.

Она упала на чью-то мускулистую грудь, сильные руки обвили ее талию, подхватив в воздухе, целую и невредимую. Потрясенная, Эмили вцепилась пальцами в плечи своего спасителя. Сердце ее безудержно колотилось.

– Леди Эмили! – Голос мужчины был низким, дыхание сбилось. – Вы не ушиблись?

Она разглядывала его в скупом тусклом свете, теплые оранжево-красные блики скользили по его золотистым волосам, освещали тонкие изящные изгибы его острых скул и точеный нос. Его голубые глаза, которые она хорошо помнила еще с прошлого лета, в эту минуту выражали искреннее участие.

Николас, герцог Мэннинг. Конечно же это был он. Казалось, она всегда предстает перед ним в самом худшем свете. Вот и теперь, столкнувшись с ним так близко, лицом к лицу в этом полумраке, она взволновалась, напуганная этой встречей гораздо сильнее, чем гадкими подлыми сплетнями. От него исходил восхитительный аромат лимонного одеколona и чистых накрахмаленных воротничков. Легкий привкус сладковатого дыма, словно он улизнул от всех, чтобы выкурить сигару, дополнял впечатление. «А какой он сильный», – подумала она ни с того ни с сего. Он подхватил ее с такой легкостью, будто она весила не больше снежинки... или кусочка льда.

Неужели и он считал, что она подобна льдинке? Холодная, бесчувственная принцесса? Казалось, все вокруг единодушно сошлись в этом ошибочном мнении, и уж конечно его словоохотливое семейство не исключение. Ее это огорчало, хотя поводом для печали быть не могло.

– Нет, я совсем не ушиблась, – с трудом пробормотала Эмили, – благодаря вам, ваша светлость.

Он улыбнулся ей, и его радостная ослепительная улыбка напомнила ей о приеме в летнем загородном доме. И его задорное семейство, увлеченное шумными играми, и ее желание стать частью всего этого веселья. Но как? Она не знала, понимая, что вряд ли когда-нибудь постигнет эту тайну.

– Что вы, – отозвался он, – моя обязанность на подобных раутах – спасти благородных девиц, попавших в беду.

– Уверена, вы в этом преуспели, – ответила Эмили.

Какая девушка не мечтала бы быть спасенной им?

Если бы она принадлежала к другому роду женщин, тоже хотела бы этого, вне всякого сомнения. Он так привлекателен, обладает необыкновенным обаянием и всем, что присуще настоящему герцогу. Такой мужчина никогда бы не заинтересовался столь странной неловкой девушкой, как она.

– Вы уже можете опустить меня, ваша светлость, – прошептала она.

Николас взглянул вниз и даже как будто удивился, что все еще держит ее в объятиях над каменным полом. Он медленно опустил Эмили, она скользнула по нему. От этого необычного приятного трения шелкового платья о его шерстяной костюм у нее закружилась голова, и она пошатнулась.

– Похоже, вы все-таки ударились, – сказал он с тревогой в голосе. – Присядьте на ступеньку, леди Эмили. Вы не подвернули лодыжку?

Эмили позволила ему усадить себя на мраморную ступень, на которой мгновение назад поскользнулась. Она несмело улыбнулась:

– Нет, что вы, просто в зале очень жарко.

– Ужасно, не правда ли? – поддержал он, сидя подле нее так, словно никуда не торопился. – Я и сам едва не упал в обморок.

Она чуть не рассмеялась. Наверняка он никогда в жизни не терял сознания! Просто светился здоровьем и излучал неиссякаемую энергию, казалось, он способен завоевать мир, и еще останутся силы на то, чтобы потанцевать или выручить из беды парочку юных девиц.

– Со стороны хозяек, устроительниц этих балов, чрезвычайно неразумно собирать такие толпы в своих тесных, душных залах, – заметил он. – Здесь даже пошевелиться затруднительно, не говоря уж о том, чтобы побеседовать с друзьями.

– Если вы вообще сможете отыскать тут своих друзей.

– Вот именно, – согласился он. – На приемах вроде этого я, скорее всего, не знаком и с четвертью всех гостей.

– Тем не менее, я уверена, все они знают вас, – сказала Эмили.

Он бросил на нее иронический взгляд:

– Откуда им знать меня? Ведь я не встречал и половины из них.

Эмили рассмеялась. Каким-то чудом, сидя рядом с ним, окруженная лишь тишиной да танцующими тенями, она не чувствовала себя столь скованной своей ненавистной застенчивостью. Те двое сплетников уже не имели никакого значения.

– Все знают герцога. Или, по крайней мере, слышали о нем, а в мире, где сплетни разлетаются с такой фантастической скоростью, это практически одно и то же.

Николас тоже засмеялся, хотя и не без некоторого удивления:

– Думаю, вы правы, леди Эмили. Люди стали интересоваться мною заметно больше, с тех пор как умер мой отец.

Из-под ресниц Эмили с любопытством разглядывала загадочные тени, которые отбрасывали свечи на его прекрасное лицо. Прядь его волос, упавшая на лоб непокорной волной, блестела, словно старинная золотая монета.

– Ах, я уверена, они интересовались вами и до этого ничуть не меньше, – пробормотала она.

– Прошу прощения, леди Эмили.

– Я говорю – для чего же вы посещаете балы, ваша светлость? Ведь, несомненно, одно из преимуществ того, что вы герцог, – возможность делать все, что душе угодно.

«В отличие от дочери графа, которой не позволено делать то, что нравится», – подумала она про себя.

– Полагаю, герцогство подразумевает множество поступков вопреки своим желаниям, – сказал он, словно прочитав ее мысли. – Ведь на тебя возложено столько надежд и обязательств.

– Включая танцы на многолюдных лондонских балах?

Николас вздохнул с наигранной грустью:

– Как ни печально, да, леди Эмили. И боюсь, это одна из тех обязанностей, о которых мой отец забыл упомянуть.

Эмили предполагала, что герцог-отец вообще не был обременен сознанием долга, иначе вряд ли сбежал бы с замужней леди Линуол много лет назад. Николас же, судя по всему, разительно отличался от своего отца и мачехи. Он стремился выполнять свои обязательства на совесть, так же как и она. Правда, иногда это было так тяжело, так непреодолимо тяжело. Она робко улыбнулась:

– Очевидно, вы не особенно добросовестно исполняете свой долг, ваша светлость.

– Вы думаете?

– Да, ведь вы совсем не танцуете, а сидите здесь и разговариваете со мной.

– Правда, – сказал он, смеясь, – поверьте мне, леди Эмили, это гораздо приятнее. Я всегда предпочту посидеть где-нибудь за спокойной беседой, чем толпиться в душных залах, заполненных совершенно чужими людьми.

– Я тоже. Эти балы... – «Ненавижу их», – подумала она. – Доставляют столько беспокойства.

– Они хотя и зло, как вы справедливо заметили, леди Эмили, но совершенно неизбежное для таких, как мы.

Он встал и предложил ей свою руку, чтобы помочь подняться.

На мгновение Эмили замерла в нерешительности, изучая его руку и вспоминая необыкновенные дивные ощущения, которые испытала, когда он поддержал ее в падении. Она медленно вложила свою ладонь в его. Пальцы Николаса сомкнулись, такие же теплые и сильные, как прежде. Ею овладело непреодолимое желание простоять здесь с ним вот так, вдвоем, остаток ночи. Но это невозможно. Его прикосновение было кратким.

– Раз уж я все равно вынужден танцевать, не окажете ли вы любезность оставить следующий танец за мной, леди Эмили?

– Я...

О, ее родители пришли бы в восторг! Их дочь танцует с герцогом Мэннингом у всех на виду! Но она все еще чувствовала некоторую слабость в ногах, и ее страх снова упасть, оказавшись в дурацком положении, пересиливал желание вызвать зависть к ее прекрасному партнеру и грациозным движениям. И меньше всего хотелось, чтобы он думал о ней как о глупой девушке. Он и его семья и без того наверняка уверены в этом после того летнего приема.

– Мне нужно найти дамскую гостиную, ваша светлость, – сказала она. – Кажется, я порвала подол, когда падала.

Он учтиво ей улыбнулся и откланялся:

– Это мое упущение. Что ж, может быть, у меня будет шанс потанцевать с вами на следующем балу.

Это так же вероятно, как если у коров вдруг вырастут крылья и они грациозно полетят над Беркли-сквер.

– Было бы чудесно.

– Мне проводить вас в...

– Ах нет, – быстро ответила Эмили. – Нет, уверена, хозяйка дома уже ищет вас. Я в порядке, ваша светлость, благодаря вашему столь своевременному и любезному спасению.

– Надеюсь, остаток вечера вы проведете без риска для жизни, леди Эмили.

Эмили сделала короткий реверанс и торопливо проследовала через фойе. Она не знала, куда и зачем идет. Ей только хотелось скорее убежать от него, чтобы не кружилась более голова, спутывая мысли, снова ощутить ясность собственного рассудка. Но, уходя, она чувствовала спиной его теплый взгляд, провожавший ее.

Глава 2

– Какой замечательный бал был вчера! – восхитилась мать Эмили, намазывая маслом гренки к завтраку. Эмили только хмыкнула в ответ. Впрочем, никакой другой реакции на подобное замечание ее матушка и не ожидала. Эмили не особенно нравились такие разговоры за завтраком, тем более когда голова занята совсем другим.

– Леди Орман – чудесная хозяйка, – продолжала она. – Роберт и Эйми тоже были в восторге. Не сомневаюсь, уже на следующий год они обзаведутся собственным домом и хозяйством и смогут устраивать такие же славные званые вечера. Это чрезвычайно важно для построения политической карьеры.

– Да, в самом деле, – сказала Эмили.

Она была уверена, что Роб и его супруга будут просто счастливы выбраться поскорее из дома их родителей и избежать такой участи. Ах, как было бы чудесно иметь собственный дом, в котором царили бы спокойствие и безмятежность, с маленькими уютными уголками, где можно почитать и поразмышлять наедине с собой.

Эмили чуть не рассмеялась в голос над собственной глупостью. Дом Роба никогда бы не стал тихой гаванью: и он, и Эйми обожали шум, движение,

веселые сборища. Эмили всегда мечтала о своем доме, чудесном месте, где все подчинялось бы ее предпочтениям и желаниям и где она наконец смогла бы почувствовать себя по-настоящему комфортно и уютно. Впрочем, с тем же успехом она могла мечтать о жизни на Луне. Она не могла позволить себе даже крошечного сельского домика в самом глухом уголке страны, а если и смогла бы, родители никогда не позволили бы ей уехать. Единственный выход – выйти замуж. Однако и до этого, судя по всему, тоже еще очень и очень далеко.

С самого детства она грезилась о таком месте, где могла бы быть полезной, нужной кому-то. Она мечтала о детях, семье и доме, до сих пор находилась в поиске, но продолжала верить или, по крайней мере, надеяться, что однажды непременно обретет все это самое прекрасное в ее жизни.

Эмили отпила чаю и вспомнила то ужасное событие, которое сделало ее такой. Она с детства была крайне застенчивой, и матушка заставляла ее стать более открытой и веселой, заводить друзей. Эмили и самой очень хотелось иметь друзей, но их было сложно найти. До тех пор, пока не состоялся ее дебютный выход в свет. Тогда она встретила некоего мистера Лофтона, привлекательного молодого человека, которому она, очевидно, очень понравилась. И даже слишком, как выяснилось позднее. Однажды вечером во время бала она согласилась прогуляться с ним по саду, он же схватил ее и попытался насильно поцеловать. В порыве отвращения она с силой наступила ему на ногу, ударила ногой чуть ниже колена, оттолкнула его и обратилась в бегство, пока он был от боли.

– Жалкая потаскуха! – кричал он ей вслед, когда она убегала вся в слезах.

С тех пор они никогда больше не говорили, хотя она так и не смогла забыть этого ужасного удушливого ощущения его поцелуя. Это, по ее мнению, произошло лишь из-за ослабления бдительности. И тогда она поклялась себе никогда больше не допустить подобного. Она, целиком погрузившись в себя, не рассказала о случившемся ни родителям, ни брату.

Единственное желание – поскорее забыть об этом. И все-таки иногда это воспоминание неотступно всплывало в ее памяти. Например, сейчас.

Матушка Эмили, не замечавшая никаких ее душевных переживаний, глубоко вздохнула, усиленно поправляя ленточки на своем чепце.

– Но, конечно, у них должен быть достойный дом! Достаточно большой и просторный для балов и приемов. Например, такой, как поместье Девоншир или Мэннинг-Хаус. Ах, если бы только кто-то мог помочь им в этом. Они того заслуживают. К примеру, герцог Мэннинг, хозяин великолепного поместья Мэннинг, не так ли?

Эмили, вздохнув, потянулась за своей чашкой, вспоминая его взгляд, когда она отказала ему в танце. Он выглядел таким озадаченным. Должно быть, юные леди нечасто отказывают герцогу, особенно если он молод и хорош собой. Но не могла же она сказать о своей неуклюжести, которую так боялась продемонстрировать во время танца... Она задумалась. Как все глупо.

– Да, мама, – согласилась она.

Мама бросила на нее суровый взгляд через подставку для тостов.

– Ты вчера не танцевала, Эмили.

Эмили заметила неровный краешек ногтя на своем большом пальце и, поспешно убрав его с позолоченной ручки чашки, сжала ладонь в кулак, чтобы его не было видно.

– Чтобы потанцевать, мама, нужно сначала дожидаться приглашения.

– Не могу поверить, что ты не получила ни единого! Ведь ты определенно самая очаровательная девушка в этом сезоне.

– Красоту нужно уметь видеть, мама.

Матушка недовольно хмыкнула:

– Я, конечно, твоя мать, и потому не объективна, но далеко не я одна замечаю твою красоту. Ты просто не умеешь пользоваться ее преимуществами. Если бы ты хотя бы улыбалась время от времени, беседуя с джентльменом, демонстрируя тем самым свое одобрение и участие. Когда я была в твоём возрасте, мне сделали предложение как минимум десять претендентов, а я не обладала и половиной твоего очарования.

– И вы выбрали папу?

– Он граф, – ее голос прозвучал томно, задумчиво, словно она вдруг оказалась во власти собственных воспоминаний, – к тому же был очень красив. Тогда. Я же не знала...

Эмили знала то, чего ее матушка тогда, будучи юной, не могла знать. Представители рода Кэрролл из поколения в поколение бездумно проматывали состояние семьи, пока не остался один только древний титул. В те времена достаточно было обладать знатным именем, титулом и привлекательной внешностью. Правда, как оказалось, это вовсе не означало, что человек составит тебе подходящую партию. Мужчины порой очень коварны, совсем как мистер Лофтон. Но матушка Эмили так и не смогла поделиться с дочерью своим жестоким и с таким трудом заработанным уроком.

– А как же мистер Рейберн? – строго спросила мама. – Он всегда очень внимателен к тебе.

Это правда. Мистер Джордж Рейберн к ней внимателен, где бы они ни встречались, на вечерах или в парке. Он довольно красив – черные волосы и пылкие карие глаза, стройная фигура и широкие плечи. Однако что-то в его славных глазах тревожило Эмили всякий раз, когда он смотрел на нее. Какая-то неискренность сквозила в улыбке, когда он целовал ей руку и говорил комплименты. Возможно, глупо с ее стороны. Всем другим девушкам он, похоже, очень нравился.

– А я думала, вам не нравится мистер Рейберн. У него ведь нет титула.

– Это так, но зато он обладает неплохим состоянием, по крайней мере так говорят. Учитывая это, нам не пристало быть слишком разборчивыми, моя дорогая. – Мать с грустью покачала головой, задумавшись об их перспективах. – Ну ничего, в этом сезоне состоится еще один грандиозный бал, званый вечер у леди Арнольд. Это последняя возможность, прежде чем все ринутся за город. Ты просто обязана исполнить хотя бы три танца, я настаиваю, Эмили.

– Но, мама!

– Да-да, как минимум три. Я не потерплю никаких оправданий. Это наш последний шанс, ты меня слышишь? Последний шанс.

Прежде чем Эмили успела ответить, в комнату, к счастью, вошел дворецкий, неся на подносе утреннюю корреспонденцию. Матушка редко демонстрировала свое отчаяние так явно, позволяя себе резкие выражения и не скрывая глаз, блестящих от слез. Эмили было бесконечно больно сознавать, что она разочаровала свою семью и ничем не может помочь ни им, ни даже самой себе.

– Вам послание от мисс Торнтон, леди Эмили, – сообщил дворецкий, протягивая ей записку на бледно-розовой почтовой бумаге.

– Восхитительно! – радостно воскликнула Эмили.

Она с жадностью вскрыла письмо, пока мама отделяла приглашения от счетов. В последнее время стопка счетов всегда оказывалась гораздо больше.

Джейн Торнтон – единственная хорошая подруга Эмили. Они сблизились во время очередного сезона балов в Лондоне. Младшая из трех дочерей баронета, Джейн была живой, энергичной и веселой. Ей всегда удавалось заставить Эмили покинуть свой уединенный замкнутый мирок и от души посмеяться над глупостями и странностями общества, да и над ее собственными проблемами. Джейн уехала на пару недель навестить свою больную тетюшку, и Эмили очень скучала по подруге. Без нее все эти балы и приемы превратились в сплошное однообразие и скуку.

Но теперь Джейн вернулась и жаждет услышать подробный рассказ обо всем, что было на балу у леди Орман. Или, по крайней мере, о том, что маленькой Эмили удалось разглядеть из своего укрытия в пальмах. Правда, Эмили определенно решила умолчать о своем падении в объятия герцога Мэннинга!

– Мисс Торнтон приглашает меня прогуляться с ней в парке сегодня после полудня, – сказала Эмили, – вы позволите, мама? Не думаю, что сегодня поступят еще какие-то предложения.

– Да-да, конечно, дорогая, – нетерпеливо ответила мать, махнув рукой и увлеченно углубившись в свои письма. Очень на руку Эмили. Обычно мать не приветствовала слишком длительного общения Эмили с Джейн, так как сестры

Торнтон тоже были озабочены поиском женихов.

Эмили глубоко вздохнула и осторожно добавила:

– А можно мне выйти уже с утра? Мне хочется заглянуть в магазин, купить новую тесьму к платью для бала у леди Арнольд.

– Конечно, только не трать слишком много. Цены на эти тесемки и ленты неимоверно взлетели.

– Не беспокойтесь, я всегда очень аккуратна в этом вопросе.

Эмили поспешно допила чай и поторопилась из комнаты для завтраков, пока ее матушка не нашла какой-нибудь повод не отпустить ее из дома. Или, того хуже, отправиться с ней по магазинам.

На это утро у Эмили было намечено дело чрезвычайной важности, о котором ее мама не имела ни малейшего представления.

Она почти бежала по улице, ловко маневрируя в толпе, двигавшейся по своим делам, и так задумалась, что даже не замечала ни горничной Мэри, которая бежала за ней, ни разноцветных образцов товаров в витринах магазинов. Ее не привлекали ни пышные шляпы, украшенные перьями и цветами, ни рулоны дорогих шелков и тончайшего муслина.

Она непозволительно опаздывала. Только бы Эйми не подстерегала ее у самых дверей с твердым намерением обсудить все детали вчерашнего бала! А если на Эйми находила охота как следует поболтать о чем-то, отделаться от нее практически не представлялось возможным. Эмили едва ли могла посвятить свою золовку и матушку в причины своего стремительного бегства.

Она свернула с оживленной и шумной улицы в тихий переулок. Дорога здесь была гораздо уже, а булыжная мостовая укрывалась в тени прижавшихся друг к другу домов. Ни ярких витрин, только небольшие неброские вывески, извещавшие о том, что за той или иной темной дверью располагается адвокатская контора или агентство по трудоустройству. Все выглядело довольно прилично, и все же вряд ли матушка захотела бы, чтобы Эмили бывала

здесь или даже просто знала о существовании этого места. Для леди Морби Лондон начинался и заканчивался там, где начинались и заканчивались всевозможные светские рауты и приемы.

Эмили свернула в еще более тихий маленький квартал. Вокруг не было ни души, кроме служанки, подметавшей каменное крыльцо того дома, к которому Эмили так спешила.

– Доброе утро, Нелл, – поздоровалась она, – как дела сегодня?

Нелл широко улыбнулась, приветствуя Эмили:

– Доброе утро, мисс Кэрролл! Все хорошо, как всегда. Новая девушка прибыла вчера. Скоро и она станет вашей ученицей.

Эмили засмеялась:

– Замечательно! Это лишь укрепит мое положение. Было бы ужасно осознавать, что я здесь больше не нужна.

– Что вы, такого никогда не случится, мисс. Здесь у вас всегда будут ученики. Все каждый раз с нетерпением ждут вторника, только чтобы снова увидеть вас.

Эмили не могла сдержать улыбки – необычайно приятное чувство согревало ее от кончиков пальцев до самых ступней. После тяжелого напряжения бала и холодного груза разочарования матушки она наконец-то могла расслабиться, стать собой, просто мисс Кэрролл. И именно такой ее здесь с радостью принимали, ждали, нуждались в ней.

– Я тоже люблю вторники, – сказала она, – а миссис Годдард здесь?

– В своем кабинете, мисс. Она ждет вас.

Эмили оставила Нелл, чтобы покончить со своим делом, и шагнула в дверной проем. Это здание было таким же, как и все остальные на улочке, высоким и узким, со стенами красного кирпича и простыми окнами, укрытыми тяжелыми темными бархатными шторами. Отполированная медная табличка возле черной

блестящей двери гласила: «Школа миссис Годдард для малоимущих женщин».

Название умалчивало о том, что малоимущими женщинами числились бывшие проститутки, которые в стенах этого тихого учреждения искали надежду на новую жизнь, заслуживающую уважения. Нигде не упоминалось и о том, что одной из преподавательниц служила леди Эмили Кэрролл, здесь – просто мисс Кэрролл. Если бы кто-нибудь узнал о ее общении с аморальными женщинами, последствия были бы губительными.

В этом заключалась ее тайна, кроме того, работа стала единственным по-настоящему светлым, стоящим моментом за всю неделю. Она ощущала свою нужность этим женщинам, и это было взаимно. Только там она знала, что приносит пользу, только там могла удовлетворить свое страстное желание помогать людям.

Она задержалась у зеркала в маленькой передней, чтобы снять шляпку и поправить прическу. Тонкие светлые пряди всегда выбивались из-под шпилек, так что она больше походила на ученицу, чем на преподавательницу. Она пригладила волосы и стерла маленькое пятнышко со щеки, почти не обращая внимания на свой подбородок с милой ямочкой и большие зеленые глаза – как раз то, на что в первую очередь обращали внимание другие.

Эмили вгляделась в эти глаза, которые, как обычно во вторник, светились радостью и волнением. Родители всегда считали ее очарование своим главным достоинством и говорили ей об этом с ранней юности. Она же предпочла бы не возлагать надежды на нечто столь эфемерное и пустое. Красота очень скоро увянет, но пока она еще могла помочь семье приобрести то, чего они так хотели, – зятя с титулом герцога.

Но на что еще она способна, кроме замужества? Для чего вообще начала эти мучительные поиски себя? Она всегда чувствовала себя потерянной и печальной, постоянно искала любовь, одобрение и свое предназначение в жизни. Так было до тех пор, пока ей не исполнилось четырнадцать и у нее не появилась гувернантка мисс Моррис. До этого Эмили не знала никого, хоть чуточку похожего на мисс Моррис. Молодая гувернантка была такой жизнерадостной, так страстно тянулась к новым знаниям, людям и всему миру. Она сумела передать эту страсть и Эмили, заставила ее посмотреть на себя самую совершенно другими глазами. С ее помощью леди Эмили Кэрролл стала собой, умной и верной, с сердцем, полным любви, готовая помогать людям, оставшись

при этом застенчивой, робкой и милой.

Мисс Моррис возила ее на прогулки за город, где рассказывала об окружающем мире, о камнях, цветах и деревьях. В Лондоне она устраивала образовательные экскурсии. Возила ее из Мейфэра[1 - Мейфэр – один из наиболее престижных, фешенебельных районов Лондона. (Примеч. пер.)] в более бедные районы, показывала настоящие людские несчастья и отчаяние, подсказывала девочке, как та может своими силами и средствами помогать другим.

Это стало настоящим откровением для Эмили, и с тех пор она никогда не позволяла себе окончательно падать духом. Возможно, она не обладала остроумием, которое так ценилось в обществе, и кокетством, привлекательным для мужчин, но у нее было немало других достоинств. И она никогда не согласилась бы на что-то меньшее, чем жизнь во имя серьезных и важных целей, основанную на спокойствии и стабильности. И муж должен непременно разделять ее идеалы, а герцогу Мэннингу они определенно чужды.

– Эмили! Вот ты где, моя дорогая! – позвал ее кто-то, вырывая из плена воспоминаний и размышлений.

Она обернулась и увидела мисс Моррис, точнее, теперь уже миссис Годдард, которая стояла у входа в свой кабинет. Хотя белая шляпка на кудрявых каштановых волосах и серое шелковое платье отличались крайней простотой и строгостью, в ее темных глазах сверкал задорный огонек, а губы сияли улыбкой.

– Прошу прощения за опоздание, – сказала Эмили, поспешно целуя румяную щеку миссис Годдард. Увидеться с ней всегда было так приятно, словно это ее вторая мать. – Моей золовке уж очень хотелось поговорить, и...

– Все хорошо, моя дорогая. Я прекрасно знаю, как сложно тебе выбраться. Лиза начала сегодняшний урок с девочками.

Миссис Годдард провела Эмили на второй этаж, где располагались все классные комнаты. Женщин, пришедших сюда за новой жизнью под ее чутким покровительством, обучали всему, начиная с чтения, письма и основ арифметики, постепенно переходя к правилам хорошего тона, шитью, кулинарии и ораторскому искусству – в общем, всему, что могло бы помочь им найти новые, достойные уважения способы обеспечить себя. Жили они в этом же здании, в

комнатах на третьем и четвертом этажах.

Когда Эмили впервые пришла сюда, чтобы помочь своей бывшей гувернантке, она стала преподавать чтение и основы шитья. Теперь же обучала французскому и вышиванию тех девушек, которые наиболее продвинулись в своих уроках и хотели стать служанками настоящих леди или модистками. И ее переживания из-за неудачной попытки стать герцогиней в сравнении с возможностью хоть чем-то помочь и увидеть, как они выходят на новый уровень жизни, казались сущим пустяком и глупостью! Эти женщины постоянно жили с ощущением ужаса, которое она испытала однажды, когда мистер Лофтон попытался поцеловать ее в саду. Их ощущения были гораздо страшнее, чем она могла себе даже представить. Они нуждались в помощи, а для нее не было большего счастья, чем оказаться здесь кому-то полезной.

– Bonjour, мадемуазель Кэрролл! – воскликнули ученицы, когда она вошла в класс.

Юные леди в изящных черных платьицах повернулись к ней, приветствуя улыбкой. Эмили радостно засмеялась. Возможно, дома для кого-то она и была разочарованием, но только не здесь.

– Bonjour, mesdemoiselles! Comment allez-vous aujourd’hui?[2 - Здравствуйте, девушки! Как сегодня ваши дела? (фр.)]

Глава 3

– Тебе давно уже пора быть дома. Я жду тебя целую вечность.

Николас едва успел войти в свою библиотеку в поместье Мэннинг-Хаус, держа в руках свежую корреспонденцию и различные послания от управляющего имением, как на него обрушился его брат Стивен. Он сидел, вальяжно развалившись в кресле у камина с бокалом бренди в руке, развернутой на коленях газетой и множеством других газет, разбросанных вокруг него на полу.

– Вижу, ты нашел, чем заняться, – отреагировал Николас. – А я ведь только что привез ящик бренди от виноторговца.

– Отличная вещь, – сказал Стивен, смеясь. Он влил в себя последний глоток и довольно выдохнул. – У тебя всегда самый лучший бренди, Ник, и самый лучший повар к тому же. Я уже отведал ваш ланч, он великолепен. Мне надо чаще бывать у тебя.

– Ты и так приезжаешь достаточно часто, – сказал Николас.

Он постарался казаться рассерженным этим неожиданным вторжением в его жизнь и его винный погреб, хотя на самом деле был рад видеть брата. Он всегда радовался, когда приезжали родственники. Жизнь в городе довольно одинока и скучна, а их добродушные шутки и розыгрыши, бесконечные шалости и проделки неизменно развеивали унылое настроение. Когда они были рядом, не нужно было слишком много рассуждать и постоянно держать что-то в памяти, он мог просто быть самим собой, жить счастливо одним моментом.

Однако в последнее время все они были очень заняты. Стивен унаследовал от матери имение Финкот-Парк, где она провела в печали остаток своих дней, после того как их отец, старший герцог, бежал со своей любовницей леди Линуолл. Стивен прикладывал немало усилий, чтобы превратить его из прибежища мрачных воспоминаний в лучшие во всей Англии конюшни и ипподром. Их сводный брат Лео помогал ему в этом, уехав на континент в поисках подходящих лошадей. Время от времени они получали от него известия, правда, не слишком часто.

Их единокровные сестры Жюстина, Аннализа и Шарлотта погрузились в проблемы собственных разрастающихся семейств. Они часто писали, как правило, для того, чтобы осторожно разузнать, когда же и он, следуя их примеру, свяжет себя благословенными узами супружества.

Сам Николас сомневался, что вообще когда-нибудь обретет свою половину, совершенную и любящую. Однажды он попытался, но испытал лишь боль и отчаяние. Он помнил о своем долге обеспечить свой род наследниками и знал, что непременно исполнит его, но только не теперь.

С тех пор как вернулся из Италии, он чувствовал странную, непривычную отстраненность от собственной семьи. Утратил ту жизнерадостность и легкомыслие, присущие им всем. Он понимал, что близкие волнуются за него, но не знал, как их ободрить, вернуть свое умение наслаждаться жизнью.

По каким-то непонятным причинам образ леди Эмили Кэрролл то и дело всплывал у него в голове.

Он вспоминал, как поймал и удержал ее вчера ночью, когда она чуть не упала, споткнувшись на ступенях. Нежное, теплое прикосновение ее тела. От нее пахло сладкими летними розами, ее светлые локоны блестели, словно шелк, спадая на щеку. Она казалась неожиданно милой и живой.

В тот момент она испугалась, но тут же засмеялась и, залившись румянцем, вцепилась в него, стараясь удержать равновесие. Ее называли Ледяной Принцессой. Честно говоря, ему тоже так иногда казалось. Она была такой тихой и осмотрительной, ее зеленые глаза замечали все вокруг, в том числе дурные желания и намерения людей.

На званом вечере в их фамильном поместье Вельбурн она ни разу не присоединилась к их играм и веселью. Николас помнил о своем долге с самого детства. И на балу его внезапно потрясла мысль о том, что Эмили Кэрролл как раз та девушка, которая смогла бы помочь ему выполнить этот долг. Милая, благовоспитанная, знатного рода. Замечательная хозяйка герцогского имения, чудесная мать будущих герцогов и маленьких леди, по крайней мере, настолько, насколько обещали ее взгляды и происхождение. Ее родители в свое время дружили с его отцом и наверняка одобрили бы их союз.

Но потом Николас задумался о планах на будущее, он должен был позаботиться о том, чтобы на свет появились наследники, но мысль о Ледяной Принцессе в его постели совсем не пришлась ему по вкусу. Да, он одинок, это правда, но настолько ли одинок? Нет, пока еще нет!

Впрочем, на балу в какое-то мгновение ее маска спокойствия и невозмутимости соскользнула, и он заметил огонек, сверкнувший в глубине ее глаз. Интересно, какая она, настоящая Эмили Кэрролл? Вопрос, интригующий до безумия.

– Ты какой-то тихий сегодня, Ник, – заметил Стивен, отвлекая Николаса от мыслей об Эмили и возвращая его в реальность.

– Извини, я просто занимался кое-какими имущественными делами и, видимо, слишком увлекся, – ответил Николас.

Он бросил бумаги на свой письменный стол и присел на его край, скрестив руки на груди. Камердинер суетился с его измятым жилетом и галстуком и тихонько ворчал о том, как «следует герцогу заботиться о своем внешнем виде».

Но Николас опасался, что не сможет всегда и во всем быть истинным герцогом. Прошло уже много лет с тех пор, как его отец скончался от лихорадки в Неаполе у своей новой жены, и с того времени так много всего произошло, многое изменилось. Тем не менее Николас продолжал учиться играть свою роль, старался выполнять все свои многочисленные обязательства.

– Это было довольно скучно, и я устал, – сказал он.

– Ник, ты? Устал? Такого не может быть! – воскликнул Стивен. – Ведь только ты всегда мог переплыть через озеро, а потом проскакать верхом пять миль, и все это еще до завтрака. Держу пари, ты всю ночь играл в карты и бродил по девицам. Да, от этого можно устать. Вот, выпей немного бренди, это приведет тебя в чувство.

– Да, я выпью бренди, только если ты оставишь хоть немного. Знаешь, ты бы немало удивился, если бы узнал, чем я на самом деле был занят прошлой ночью. – Николас опустил в кресло рядом со Стивеном и потянулся за бутылкой.

– Что, никаких картежных страстей? Никакого публичного дома?

– Нет, если таковым не считать бал у леди Орман.

– Ты был на светском балу? – недоверчиво спросил Стивен. – Я потрясен. Тебе действительно нужно выпить.

– Да уж. Наши сестры постоянно твердят о том, что я должен исполнить свой долг и жениться, вот я и подумал, что прием у леди Орман – отправная точка поисков.

– Они не задумываются о твоём долге, Ник. Просто с тех пор, как они вышли замуж, у них в голове сплошные мечты и романтика, вот они и хотят, чтобы так было у всех. И особенно это касается нас с тобой.

– Хм, – Николас сделал большой глоток обжигающего бренди, – так ты приехал в город, чтобы найти себе жену?

– Черт возьми, нет! Я ещё слишком молод, чтобы жениться, хотя Шарлотта и утверждает обратное. Я здесь ради аукциона в Таттерсолз. Говорят, в каталоге значится подающая надежды кобыла. Хотя, осмелюсь предположить, примерно то же было и у леди Орман.

Николас засмеялся, вспомнив выстроившихся в ряд хихикающих, одетых в белое дебютанток и их мамочек, жаждущих встретить здесь подходящего молодого герцога. И Эмили Кэрролл, которая, казалось, совсем не заинтересована ни этим глупым хихиканьем, ни поисками подходящей партии.

– Так оно и было, – сказал он. – А я уже и забыл, что Лондон в сезон балов – это одна грандиозная ярмарка, где все выбирают себе подходящих лошадей. Я слишком долго прозябал в деревне.

– Это было необходимо. Имущественные дела отца в ужасном состоянии после его смерти, вот тебе и пришлось все приводить в порядок. Задача непростая и незавидная.

– А я бы и теперь предпочёл оставаться там, – пробормотал Николас.

– Я только что оттуда, и поверь мне, там не намного лучше, чем в городе. По пути в Лондон я заезжал в Деррингтон повидать Шарлотту и Дрю.

– И как там наша сестренка?

– Огромная, словно дом, и в постоянных заботах о ребенке, который вот-вот появится. Однако у нее хватило энергии и на то, чтобы распространяться о прелестях брака и семейной жизни. И кстати, она завела еще двух мопсов. По-моему, четыре – это уже слишком.

– Что ж, буду благоразумен и постараюсь держаться подальше от Деррингтона.

– Мудрое решение, по крайней мере, некоторое время лучше воздержаться от визитов. – Поколебавшись мгновение, Стивен спросил: – Ну и как, была ли на балу молодая леди, которая смогла привлечь твое внимание?

Зеленые глаза леди Эмили снова возникли в его воспоминании, такие яркие и задорные. И совсем не холодные. Николас отогнал от себя ее образ и сделал еще глоток.

– Только не говори, что ты тоже изображаешь свата, Стивен.

– Нет, конечно. Я абсолютно не гожусь для этой роли. Я просто подумал, что... возможно, было бы неплохо, если бы нашелся кто-то, кто помогал бы тебе. Кто-то понимающий и добрый. Ну и милый, конечно.

– Какая разумная женщина захочет войти в нашу семью? Твои шутки и выходки не задержали бы ее здесь надолго.

– Я вполне мог бы себя контролировать, так же как и Шарлотта, и все остальные, если бы появился кто-то, на кого ты хотел бы произвести хорошее впечатление. Кто-то, кому и мы должны были бы понравиться.

– Пока никого нет. Но я учту твои слова.

Он действительно принял их во внимание, отчасти поскольку уже привык к заботам и активному участию сестер в этом вопросе, однако Стивен ни в чем подобном прежде замечен не был. Но уж если даже он считает, что Николасу требуется «помощь» в его герцогских делах, значит, его переживания и одиночество слишком очевидны.

Николаса это не устраивало, он всегда старался ограждать своих близких от тревог и волнений. Возможно, женись он сейчас, все бы успокоились, по крайней мере до тех пор, пока не нашли бы новый повод для беспокойства.

– Нам нужно куда-нибудь выбраться сегодня вечером, – предложил Николас, – ты так редко бываешь в Лондоне, нужно получить от него все, что возможно.

– Надеюсь, ты не потащишь меня на какой-нибудь душный бал или музыкальный вечер?

– Нет, если, конечно, ты не горишь желанием попасть на бал леди Арнольд. Мы могли бы отправиться в клуб, поиграть в карты. Или посетить при желании заведение миссис Ларкин.

– Превосходно! А у меня есть билеты на маскарад в Воксхолле.[3 - Воксхолл-Гарденз – увеселительный сад в Лондоне, одно из главных мест общественного отдыха и развлечений с середины XVII до середины XIX в. Был популярен среди всех слоев общества и известен как место романтических свиданий в темных аллеях.] Я слышал, у синьоры Растрелли великолепное сопрано, а она как раз будет там выступать.

– И, бьюсь об заклад, не менее великолепная грудь. Стивен рассмеялся:

– И это тоже, конечно. Вскоре Стивен отправился в номера, отказавшись остановиться в Мэннинг-Хаус. Николас остался наедине с бухгалтерскими счетами и головной болью от выпитого бренди. «Хорошо, что брат в городе», – подумал он, усаживаясь за стол. Возможно, немного веселья и развлечений – как раз то, что ему сейчас нужно. Немного выпивки, одна-другая партия в карты, немного итальянских оперных див с великолепной грудью. Ему необходимо вновь почувствовать себя тем самым Николасом, но не только герцогом.

Однако предстояло побыть еще немного герцогом. Он просмотрел толстую стопку свежих приглашений. Сезон балов подходил к концу, но это не помешало городу погрузиться в заключительную неистовую волну раутов и балов, прежде чем все разбегутся, разъедутся, каждый в своем направлении. Он отложил в сторону несколько приглашений, которые собирался принять, вместе со счетами и письмом от своего управляющего имением в Скарнли-Эбби по поводу ремонта. Впрочем, вскоре он сам собирался нанести туда визит.

Он открыл нижний ящик стола, чтобы достать еще писчей бумаги, и вдруг заметил, как в глубине, куда почти не попадал свет, блеснула маленькая шкатулка, украшенная золотом и эмалью. Ее насыщенные цвета – красный, синий и золотой – так притягивали, что он невольно потянулся за ней.

Обычно ему удавалось противостоять соблазну взять ее, и она оставалась в ящике, надежно спрятанная от глаз между бумагой и коробочкой с сургучом. Но сегодня какая-то неведомая внутренняя сила заставила его достать шкатулку и взять ее в руки.

Металл в его ладонях быстро потеплел, но он продолжал пристально смотреть на нее, прежде чем открыл. Улыбка нежно-розовых губ и мягкий взгляд карих глаз изображенной на шкатулке женщины манили и пленяли его. На миниатюре ее темные распущенные волосы ниспадали на плечи, почти скрывая алый бархат платья, сама же она улыбалась.

Валентина. Его жена, которой больше не было с ним.

Николас нежно провел большим пальцем по маленькому портрету, но ощутил лишь грубую шершавость краски без малейшего намека на теплоту ее кожи. И снова она улыбалась, как всегда, безмолвно. Все то, слишком короткое время, что они были знакомы, им было весело.

Во власти воспоминаний он опустил портрет и спрятал лицо в ладонях. Как правило, он не позволял себе думать о ней. Так давно это было, хотя по-прежнему слишком болезненно, чтобы вспоминать. Непонятно, почему сегодня она казалась такой близкой.

Он встретил Валентину Маньяни во время своего образовательного тура по Европе, вскоре после того, как умерли его отец и мачеха и на помощь приехал их сводный брат Бреннер. Это была их первая встреча с сыном мачехи от первого, разрушенного брака. В то время Николас был еще молод, зелен, словно весенняя травка, и собирался выпускаться из университета. Бреннер посчитал, что путешествие по странам континента и возможность задуматься о своих обязательствах пойдет Николасу на пользу.

Так и случилось. Поначалу он мучительно скучал по семье, так как никогда прежде не уезжал так далеко и надолго, но потом искусство, культура и красота природы окончательно увлекли его и помогли забыть о своей потере, он присылал домой множество скульптур и картин для украшения герцогских поместий. Постепенно начал осознавать себя как личность, таким, каким он был отдельно от семьи.

Затем он отправился в Верону, город Ромео и Джульетты, где в один прекрасный день встретил Валентину. Это произошло на рынке, она делала покупки для дома. Высокая, с золотисто-медовой кожей, шелковистыми черными волосами и темными глазами, светящимися жизнью. Она посмеялась над его неловкими попытками говорить по-итальянски с торговцами и помогла купить фруктов и хлеба. Он был очарован ею, очарован каждой деталью – счастливым смехом, краешком красной плиссированной нижней юбки, выглядывавшей из-под коричневого платья, пылкостью и жизнелюбием. Она и его вернула к жизни.

В тот день он провожал ее до дома, всю дорогу нес ее корзину с продуктами, наслаждаясь мелодичным голосом, который учил его новым итальянским словам, и с каждым шагом влюблялся в нее все отчаяннее. Он познакомился с ее мамой и выпил с ними чаю. Семья их была весьма уважаема в городе, ее отец – юрист, но определенно они не принадлежали к родовитой знати. А значит, она не подходила на роль герцогини.

Николас открыл глаза и невидящим взором осмотрел свою библиотеку, огромную, плохо освещенную комнату, заставленную полками, уходящими в потолок, полными книг в кожаных переплетах, и уставленную старой тяжелой мебелью. В углах притаились привезенные из того памятного путешествия статуи – бледные мраморные боги и богини, взиравшие на него своими мертвыми глазами. Он рассчитывал привезти домой гораздо большее, чем просто искусство, холодный камень. Он хотел привезти с собой жизнь и смех. Вернуться с женой.

Он ухаживал за Валентиной стремительно и страстно. В конце концов, он принадлежал к той категории людей, которые готовы на все во имя любви. Кровь его кипела, никогда и ни к кому больше не испытывал он таких чувств, ни до встречи с Валентиной, ни после нее. Николас бесконечно жаждал ее присутствия рядом, улыбки и поцелуев, хотел проводить с ней каждую минуту, и она отвечала ему тем же. Они подолгу гуляли по городу, предаваясь пылким поцелуям в тихих переулках и пыльных галереях. В их семейной гостиной он

слушал ее игру на арфе, в то время как вокруг бегали ее братья и сестры.

Ее дом напоминал его собственный в поместье Вельбурн, где по комнатам носились его братья и сестры и повсюду слышался их заразительный смех. Даже если в обществе ее бы не приняли, его семья бы непременно полюбила Валентину и всеми силами помогла бы сделать ее счастливой даже в хмурой сырой Англии. В этом он был абсолютно уверен. И он женился на ней, обвенчавшись в небольшой часовне в Вероне. Он поднял ее кружевную вуаль и поцеловал в теплых лучах света, проникавших сквозь витражное стекло, и это был самый счастливый момент всей его жизни.

Однако счастьем не суждено было продлиться долго. В свой медовый месяц они отправились на загородную виллу в бесконечные дни, согретые золотым солнцем, и теплые ночи, полные страсти. Еще до того, как они вернулись в Верону, Валентина забеременела. О возвращении в Англию до того, как и она, и ребенок смогут выдержать дорогу, не могло быть и речи, поэтому Николасу пришлось немного подождать и написать своей семье и о женитьбе, и о рождении ребенка чуть позже. В противном случае они бы примчались очертя голову, а ему так хотелось побыть с Валентиной наедине еще хотя бы некоторое время.

Он был мужем чуть больше года. И всего лишь час отцом крохотного сына. Потом не стало ни ребенка, ни Валентины. Смех и свет исчезли из его жизни так же внезапно, как и пришли в нее. Он остался один.

Нет, конечно, он не был одинок. У него оставались его семья, долг и этот проклятый титул. После похорон жены и сына он незамедлительно покинул Италию и отправился домой, оставив свое сердце под кипарисом на кладбище за пределами Вероны. Дома он целиком и полностью посвятил себя своим близким. Его краткое супружество так и осталось тайной, он не смог найти сил и рассказать об этом даже сестрам. Он бы не выдержал их жалости.

С годами боль притупилась. Он научился лелеять память о Валентине, не предаваясь отчаянию. Только очень редко, в дни, такие, как этот, он доставал ее портрет и пытался представить, что она снова рядом.

С каждым разом это давалось тяжелее. Она уходила все дальше в прошлое. Тем не менее сохранялось отчетливое чувство страха, особенно когда ему в

очередной раз напоминали о его долге и необходимости жениться и произвести на свет детей. Как он мог заставить еще одну женщину пройти через ту боль и страх, которые пережила Валентина, когда родился их сын, и ту агонию, когда он умер у нее на руках? Как он мог заставить женщину страдать и видеть ее муки, зная, что он сам виноват в них?

Николас никогда больше не смог бы полюбить другую так, как любил Валентину, а жениться, не испытывая к девушке хотя бы симпатии и уважения, ни за что бы не стал, как не стал бы вовлекать в это того, кого считал хорошим другом.

Вот Стивен, пожалуй, мог бы жениться, несмотря на уверения в обратном, и завести детей, которые унаследовали бы титул. Хотя это звучало неправдоподобно. Он слишком занят разработкой схемы своего ипподрома, чтобы задумываться о собственной женитьбе.

Николас аккуратно спрятал шкатулку с портретом в глубоком темном ящике стола. Это прошлое, оно позади, ему приходилось помнить об этом. И он еще не готов отвечать на все эти приглашения прямо сейчас. Он оставил их на столе, подошел к окну и стал смотреть на улицы, открытые ветрам, наблюдая за прохожими. Ему всегда было интересно, куда они так торопятся, какие цели двигают ими, ведут куда-то.

Иногда и они останавливались, чтобы заглянуть в его чугунные кованые ворота, без сомнения также одолеваемые любопытством, чем же занят герцог за этими огромными стенами, как он живет? Мэннинг-Хаус был одним из самых крупных зданий в Лондоне, громоздкий и весьма непрактичный особняк светлого камня, с множеством окон, который построил дед Николаса. Он выглядел величественно, окруженный садами, в нем имелись просторный зал для танцев и огромная столовая, которая могла вместить, пожалуй, весь королевский двор. Но его совершенно невозможно было прогреть, и хорош он был лишь для уже подросших племянников и племянниц Николаса, которые с удовольствием носились друг за другом по широким коридорам.

Дому требовалась хорошая хозяйка, чтобы преобразить старомодные комнаты, привести их в порядок и подготовить для балов и приемов, достойных его величия. Мысли о преобразованиях отодвигали тени прошлого и заставляли задуматься наконец над проклятым насущным долгом.

Николас потянул за край тяжелой бархатной портьеры, занавешивая окно. Быть может, если бы он не смог видеть происходящее на улице, оно не увлекало бы его так сильно. Уже почти задернув шторы, он нечаянно заметил открытый экипаж, медленно скользящий вдоль улицы. Две элегантно одетые молодые леди сидели в нем и оживленно болтали. Одна из них слегка повернула голову, и бледный солнечный луч скользнул по ее светлой пряди, нежной белой щеке. Не может быть, леди Эмили Кэрролл.

Она смеялась над тем, что говорила ее подруга, и ее щеки украшал прелестный румянец. Она поправила непослушную прядь, и Николас заметил изящное движение ее руки, обтянутой перчаткой.

«Как она прекрасна», – подумал он в изумлении. Нет, он всегда знал, что леди Эмили красива, она славилась чертами своего прелестного лица, совершенную симметрию которых не заметить невозможно. Они потрясли его еще прошлым летом в Вельбурне, но он позабыл об этом, заподозрив, что не понравился ей.

Сейчас, когда ее лицо сияло улыбкой, а в волосах играло солнце, он вновь пораился ее красоте. Что ее так рассмешило? А что бы он мог сказать, чтобы вызвать ее улыбку? Настоящий вызов. Однако наследники рода Мэннинг не привыкли отступать.

Экипаж свернул за угол, судя по всему направляясь в парк. Приближался тот самый час, когда все представители светского общества седлали лошадей, забирались в свои экипажи и гордо шествовали друг перед другом.

Николас отошел от окна, оставил на столе бумаги, с которыми планировал работать, и стремительно покинул библиотеку. Бумаги подождут.

– Запрягайте мою лошадь! – крикнул он. – И поскорее!

Глава 4

– Смотри, Эмили! Это же Мэннинг-Хаус. Разве он не прекрасен? – воскликнула Джейн, указывая на огромный особняк, мимо которого проезжал их экипаж. –

Словно сказочный дворец.

Эмили засмеялась, рассматривая окна, мерцающие в свете солнца, словно бесконечные ряды бриллиантов, вставленных в белый камень, главным образом для демонстрации богатства хозяев, способных оплатить любые оконные налоги.[4 - Оконный налог взимался с каждого окна начиная с шестого; действовал в Великобритании с 1696 по 1851 г.] Ей вспомнилась строчка, выученная когда-то на уроках истории династии Тюдоров: «Хардвик-Холл[5 - Хардвик-Холл – замок в Англии конца XVI в., более половины стен которого составляют стеклянные окна.] известен всем, окон больше здесь, чем стен».

Так или иначе, сложно представить, что герцог жил в этом холодном мавзолее.

– Только если это сказка о Снежной королеве, приносящей зиму из своего ледяного замка, – сказала она. – Он выглядит ужасно неудобным.

– Зато чрезвычайно хорош для грандиозных балов, – решительно заявила Джейн, не отрывая глаз от особняка. – Можешь ты хотя бы представить себя хозяйкой такого приема? Герцогиней?

– Нет, даже представить не могу, – ответила Эмили, смеясь. – По-моему, это просто ужасно. Все постоянно смотрят на тебя, докучают просьбами о приглашении на очередной бал...

– Именно герцогиня Мэннинг будет законодательницей мод и вкусов светского общества. Она сможет ввести в моду любой новый фасон. Разве это не восхитительно? – Джейн глубоко вздохнула, оглядываясь на исчезавший из виду Мэннинг-Хаус, когда их экипаж сворачивал за угол.

Смех Эмили стихал, и какое-то смутное подозрение закрадывалось при виде чуть прищуренных глаз подруги.

– Джейн, у тебя что, какие-то виды на герцога Мэннинга?

– Ах нет, что ты! – воскликнула Джейн. Она улыбнулась, и хитрая расчетливость исчезла из ее взгляда. Она поправила украшенную перьями шляпку на своих золотисто-каштановых вьющихся волосах и снова уютно устроилась в экипаже. –

Нет, я не так наивна и слишком легкомысленна, чтобы из меня можно было сделать герцогиню. Это скорее по твоей части, Эм.

– По моей части? – изумилась Эмили. – Это вовсе не так. Из меня бы получилась никудышная герцогиня.

– Чепуха! Ты рождена для королевской жизни, с твоей-то внешностью и пленительной грацией. Но раз уж поблизости нет подходящего принца, герцог, пожалуй, отличный вариант. Тем более такой красавец, как Мэннинг. – Джейн наклонилась к ней и прошептала: – Неужели при виде его голубых глаз тебе не хочется растаять?

Ей, конечно, хотелось. Всякий раз, когда он смотрел на нее, она лишалась дара речи и жаждала лишь одного – тотчас же провалиться на месте. Но она не призналась бы в этом никогда и никому, даже Джейн. Даже самой себе.

– Ну да, он довольно милый, – осторожно сказала она.

– Довольно милый? – усмехнулась Джейн. – Да он настоящий греческий бог. Мои родители были бы в восторге, если бы я смогла заполучить его, но этого никогда не случится. Думаю, мне придется довольствоваться каким-нибудь провинциальным баронетом, вроде Уильяма Джеймсона. Он, кажется, вот-вот сделает мне предложение. Что же насчет тебя?

Эмили рассмеялась:

– Меня сэр Уильям ни капельки не интересует.

– Конечно нет, а кто интересует? Какая ты хитрая! Должен же быть кто-то, кто тебе нравится?

– Да нет никого такого.

– Я не верю в это.

– Поверь, моя дорогая Джейн. В этом сезоне я не встретила никого, кто бы мне действительно понравился. Возможно, мне тоже придется отыскать себе

провинциального сквайра. Может, какой-нибудь милый викарий подойдет?

Она шутила, но, возможно, священник был бы как раз тем, кто ей нужен. Серьезный, искренний молодой человек, который по вечерам читал бы ей у камина, просил бы ее помочь с проповедями, поощрял ее благотворительную деятельность в ближайших окрестностях и никогда бы вдруг не набросился, как сделал когда-то мистер Лофтон. И было бы просто идеально, если бы у него была такая же плутоватая улыбка, как у герцога...

Эмили решительно кивнула:

– Вот кто мне нужен.

– Викарий? Родители ни за что не позволят тебе этого. Ты же красавица, дочь графа!

Пугливая дочь разорившегося графа.

– Время покажет.

Их экипаж въехал в Гайд-парк, вливаясь в поток карет, повозок и лошадей, выстроившихся к часу фешенебельного сборища.

– Не переживай, Эм, сезон балов еще не окончен. У нас есть время найти кого-нибудь лучше, чем сэр Уильям, – сказала Джейн и, достав из ридикюля маленький квадратный листок бумаги, продолжила: – Может быть, здесь?

– Что это, Джейн? Любовная записка?

Джейн хихикнула:

– Нет, глупышка! Это билеты на маскарад в Воксхолле. Моя сестра миссис Барнс раздобыла их для меня и согласилась нас сопровождать. Она легка на подъем, хотя не думаю, что ей будет так же весело, как и нам.

– Воксхолл? – проговорила Эмили заинтригованно, хотя это и не было на нее похоже.

Она слышала, что маскарады, проводившиеся в увеселительных садах, снискали дурную славу своими романтическими встречами в темных аллеях, хотя знаменитое освещение меняло ночной город до неузнаваемости. Она смеялась над самыми безумными историями, уверенная, что они чистой воды выдумка. А вдруг они правдивы? Что, если она воочию убедится в этом? Эмили взглянула на билеты. Витиеватая надпись гласила: «Концерт синьоры Растрелли. Фейерверки и иллюминация, каких еще не видели в Лондоне!» Музыка, фейерверки... Звучало заманчиво, но...

– Джейн, я не уверена, что нам стоит идти.

– Мы же наденем маски! Никто даже не узнает, что мы там были.

– Родители ни за что не разрешат.

– Тогда просто скажи им, что мы останемся на ночь у моей сестры. Я не знаю! Скажи, что к ней приехал родственник, викарий, и обещал прочитать нам замечательные проповеди.

Эмили засмеялась, раздираемая чувством долга и ослепительной возможностью развлечься. Ведь наверняка музыкальный вечер ничем не опасен? В конце концов, она не собиралась бродить по темным аллеям Воксхолла.

Где-то в глубине души проснулся крохотный озорной бесенок, который показывался крайне редко, но теперь словно подталкивал ее вперед. «Давай, – шептал он вкрадчиво и соблазнительно. – Будь же ты смелее, наконец! Какой от этого вред? Ты достаточно потрудились».

Но она боялась не только вреда, но и опасностей. Насколько велик риск? Тем не менее искушение почти завладело ею.

– Не знаю, – сказала она, – думаю...

– Добрый день, леди! – Чей-то голос прервал ее. – Чудесная погода сегодня, не правда ли?

Эмили подняла глаза и увидела мистера Джорджа Рейберна, приближавшегося к ним верхом на лошади. Он был единственным поклонником Эмили в этом сезоне, танцевал с ней на первом балу и с того момента неизменно оказывал знаки внимания. Присылал ей цветы, приносил лимонад на званых вечерах и все в таком духе. Подобные мелочи, собственно, и возвели его в категорию поклонника. Однако предложения ей он не делал. Впрочем, старшие Кэрроллы в любом случае отказали бы ему. По слухам, он владел достойным состоянием, но титула не имел.

Теперь же, когда сезон подходил к концу, стоило более ответственно и серьезно продемонстрировать свои намерения, если таковые у него были. Если бы он действительно нравился Эмили, возможно, она смогла бы убедить родителей в том, что Рейберн – вполне подходящая партия.

Лошадь мистера Рейберна поравнялась с экипажем, и он улыбнулся девушкам, учтиво приподняв шляпу. «Я просто обязана ему симпатизировать», – думала Эмили, отвечая улыбкой. Он чрезвычайно привлекателен: блестящие волнистые темные волосы и карие глаза, волевая челюсть и прямой нос. Высок и строен, атлетического сложения. У него немало почитательниц. Он любит поэзию, много путешествует, обо всем имеет верное суждение и обладает безукоризненными манерами.

Кроме того, Эмили и впрямь казалось, что она ему действительно нравилась. Его не отталкивала ни ее застенчивость, ни недостаток танцевальных навыков. Почему же он не мог ей понравиться? Возможно, причина в том, как он смотрел на нее. Хотя не исключено, что ей попросту показалось. Все остальные, и Джейн тоже, похоже, были им совершенно очарованы. Подруга протянула руку мистеру Рейберну, заливаясь радостным смехом.

– Мистер Рейберн! Мы не виделись с вами на этой неделе, – сказала Джейн.

– У меня скопились кое-какие имущественные дела, не терпящие отлагательств, – ответил он. Беседуя с Джейн, Рейберн устремил взгляд на Эмили. – Вряд ли мое отсутствие так уж всех озадачило, учитывая всю эту балльную суету завершающегося сезона.

– О, я готова поклясться, что вас не хватало! – воскликнула Джейн. – У леди Орман вообще не доставало кавалеров для танцев, не так ли, Эмили?

Эмили улыбнулась, вспоминая, что сама не танцевала вовсе, невзирая на количество мужчин.

– Да, действительно не хватало, по крайней мере, хороших партнеров для танцев.

Мистер Рейберн удивленно поднял брови:

– Вы считаете меня хорошим партнером, леди Эмили?

– Вам удалось быть грациозным настолько, что я ни разу не наступила вам на ногу, мистер Рейберн, к тому же вы несколько раз спасли меня от неминуемого падения. Так что для меня вы – настоящий эксперт в танцах.

– Рад, что произвел на вас впечатление хотя бы этим, леди Эмили, – ответил он.

Джейн смотрела то на него, то на нее, склонив голову так, словно пыталась разгадать какую-то тайну.

– Может быть, прогуляемся немного? Хочется размяться.

Эмили, кивнув, с готовностью согласилась. Возможно, если они будут гулять, смешавшись с толпой, ей будет легче избегать пристального взгляда карих глаз мистера Рейберна. Ей казалось, что он постоянно смотрит на нее, ожидая чего-то, непонятно, правда, чего именно. Она лишь чувствовала, что это вызывает у нее какое-то беспокойство и дискомфорт, и это совсем не похоже на ощущения от взгляда герцога Мэннинга.

Они вышли из экипажа и отправились пешком вдоль пешеходной дорожки. Эмили любила бывать в парке по утрам, когда тротуары еще пустынные и лишь изредка встречаются няньки со своими подопечными да лакеи, выгуливающие любимых собачек хозяина. Она с удовольствием наблюдала за детьми, играющими с обручами и куклами, наслаждалась свежим прозрачным воздухом и чувством свободы. В такие минуты она с тоской и вожделением мечтала о тех днях, когда у нее будет свой ребенок, как она будет гулять с ним в парке, воспитывать и любить всей душой.

Ближе к вечеру парк менялся до неузнаваемости: его заполняли одетые по последней моде светские дамы и джентльмены, прибывшие сюда с нескрываемым намерением себя показать и на других посмотреть. Шумно смеясь, какая-то пара прошла мимо них и толкнула Эмили. Она оступилась, и мистер Рейберн подхватил ее за руку, довольно сильно сжав в своей.

– С вами все в порядке, леди Эмили? – спросил он.

– Ах да, благодарю вас, – ответила Эмили, стараясь высвободить руку, но он продолжал удерживать ее и вел за собой, пытаясь найти хоть клочок свободного пространства.

– Сегодня здесь особенно многолюдно, – отметила Джейн так, словно в другие дни было по-другому. – Нам так повезло, что вы с нами, мистер Рейберн, в случае чего вы сможете нас защитить.

– А как повезло мне, что я сопровождаю двух таких милых леди. Мне позавидует любой мужчина из собравшихся здесь, – ответил он с очаровательной улыбкой. – Ну а теперь, мисс Торнтон, леди Эмили, может быть, вы все-таки расскажете мне обо всем, что я, как ни печально, вынужденно пропустил ввиду моего отсутствия в городе? Действительно ли прием у леди Орман явился таким столпотворением, как предсказывали?

– Да уж! Нельзя было и шагу ступить, чтобы тебе не отдавили ногу, – воскликнула Джейн, не желая признаваться, что ее не было на бале.

Пока подруга без умолку болтала о званом вечере, Эмили, уже почти не слушая, уносилась мыслями далеко от этих сплетен, многолюдного парка и даже мистера Рейберна, все еще сжимавшего ее руку. Она думала о своем уроке у миссис Годдард, запланированном на следующую неделю, о любимой ученице Салли, подающей большие надежды, и о том, как успешно продвигаются вперед все ее подопечные. Им уже требовался более сложный материал, чтобы продолжать развиваться. Быть может, ей стоило обучить их и азам итальянского? Возможно, некоторые из них уже в ближайшем будущем смогли бы стать гувернантками.

Эмили так увлеклась своими мечтами, что заметила корень прямо у себя под ногами, только когда споткнулась об него.

Она вскрикнула от боли, пронзившей ногу, которую не смог защитить от удара ее тонкий сапожок. Пальцы мистера Рейберна снова сдавили ее руку, помогая ей удержать равновесие.

– Спасибо, мистер Рейберн. Вы очень добры.

– Ну что вы, всегда рад оказаться рядом в нужный момент, леди Эмили, – сказал он хрипловатым голосом, глядя ей в глаза. – Вам действительно нужен кто-то, кто бы заботился о вас.

Внезапно приступ ярости вспыхнул в груди Эмили, и она наконец резким движением высвободила руку. Вот этого она хотела меньше всего, поскольку люди постоянно ей указывали, куда идти и что делать! И именно «позаботиться» несло в себе скрытое желание диктовать. Ей никогда не позволялось делать то, чего хотела она сама, или иметь о чем-то собственное мнение.

– Благодарю за помощь, мистер Рейберн. Теперь уже все в порядке. – Эмили поспешно опередила его и Джейн, правда, пока еще не знала, куда направляется, но чувствовала, что ей нужно побыть одной и погасить эту внезапную, необъяснимую вспышку гнева, лишившую ее контроля над собой.

Она пришла в себя уже возле озера Серпантин, вокруг которого столпилось еще больше людей. Все они беззаботно смеялись, оживленно беседовали между собой. Однако она понимала, что на самом деле они неустанно следят друг за другом и неизменно друг друга оценивают.

Она отправилась дальше, замедлив шаг и усилием воли заставляя себя вежливо улыбаться. Джейн и мистер Рейберн следовали за ней, все еще обсуждая этот дурацкий бал.

На некотором удалении, как раз у края лужайки, Эмили вдруг заметила самого герцога Мэннинга верхом на белом коне, на фоне которого ярко выделялся его отлично скроенный темно-синий сюртук и элегантные замшевые брюки. Она остановилась, снова чуть не упав, словно внезапно ослепленная.

Она не могла оторвать от него взгляд. Казалось, все солнечные лучи были направлены лишь на него одного, и сам он словно сиял золотистым светом. Она

вспомнила мифы об Аполлоне, которого музы называли «вечно сияющим», и теперь понимала, что они имели в виду. Несмотря на снующие повсюду толпы людей, он пребывал в полном одиночестве и излучал безмятежность и свет. На нем не было головного убора, и ветер играл его золотистыми волосами, роняя пряди на лоб и воротник сюртука. Рукой в элегантной перчатке он слегка придерживал поводья и отвечал на приветствия еле заметной улыбкой.

Складывалось впечатление, словно он потрясен, обнаружив себя внутри этой суматохи и какофонии.

– Что здесь делает Мэннинг? – услышала она позади голос мистера Рейберна. – Никто из его семейства не снисходил до того, чтобы появиться здесь.

В чем виноват герцог? Если бы она была герцогиней, никогда не стала бы делать ничего против собственного желания. И все же почему он здесь? Никогда прежде она не видела его в парке.

– Мы должны с ним поздороваться? – спросила Джейн нерешительным голосом, что было для нее совсем не характерно, ибо она, казалось, всегда точно знала, как поступать.

– Стоять в очереди со всеми желающими засвидетельствовать свое почтение? Не думаю, – с пренебрежением ответил мистер Рейберн. Он взял Джейн за локоть, и они повернули назад. – Мне казалось, мы планировали пройтись, леди Эмили?

– Да-да, конечно, – отозвалась Эмили, медленно поворачивая назад и следуя за ними по тропинке.

К ее изумлению, герцог, заметив ее, улыбнулся, натянул поводья и устремился в ее сторону.

– Господи! Герцог Мэннинг направляется прямо к нам! – вскрикнула Джейн.

– Так и есть, – проворчал мистер Рейберн.

Эмили взглянула на него и поймала хмурое, недовольное выражение лица, сменившееся буквально через мгновение дежурной приветливой улыбкой. Он

явно не питал особой симпатии к герцогу Мэннингу.

Эмили была заинтригована, не знал ли он чего-то такого, чего не знают в широких кругах. А как иначе объяснить подобную реакцию? Что бы это могло означать?

– По-моему... О боже! – снова почти закричала Джейн. – По-моему, он собирается заговорить с нами.

Так и случилось. Натянув поводья, Николас направил лошадь прямо к Эмили и с улыбкой учтиво ей поклонился.

– Добрый день, леди Эмили. Надеюсь, вы уже оправились после того безумного столпотворения на балу леди Орман? – поинтересовался он.

И засветился широкой белозубой улыбкой, в которой сочетались и доброта, и игривая хитринка. Будто между ними существовала какая-то тайна, и он до мельчайших деталей помнил тот вечер, когда она, поскользнувшись на ступенях, упала прямо в его объятия. Жаркий румянец окрасил ее щеки, она поторопилась наклонить голову, прячась под соломенными полями своей шляпки.

– Да, я совершенно оправилась, ваша светлость, благодарю вас, – ответила она, сделав реверанс. – Честно говоря, прогулка на свежем воздухе, как сегодня, мне больше по душе.

Он засмеялся и чуть подвинулся в седле, так ловко, словно был в нем рожден. Эмили подумала о том, как органично он выглядел верхом на лошади, какое излучал спокойствие, обнаруживал грацию и определенную властность, в отличие от нее, она была просто в ужасе от этих огромных животных. Он посмотрел на нее так пристально и внимательно, словно видел впервые в жизни. Ей стало не по себе. Правда, не так, как когда мистер Лофтон схватил ее в саду. Сейчас, похоже, причина крылась в искушении, овладевавшем ее сердцем.

– Абсолютно с вами согласен, леди Эмили, – сказал он. – Ясный день на воздухе гораздо предпочтительнее.

Джейн слегка кашлянула, и Эмили, словно очнувшись, вдруг вспомнила, что они с герцогом в парке не одни.

– Ваша светлость, полагаю, вы знакомы с моими друзьями мисс Торнтон и мистером Рейберном.

– Конечно, знаком. Как поживаете, мисс Торнтон, мистер Рейберн?

– Замечательно, ваша светлость, – с готовностью ответила Джейн. – Мы как раз собирались немного пройтись. Может быть, вы присоединитесь к нам?

Эмили бросила в сторону Джейн суровый взгляд, но та попросту проигнорировала ее. Что, если она скажет какую-нибудь глупость, когда он пойдет рядом с ней, или, не дай бог, снова споткнется и упадет?

– Буду счастлив присоединиться, – сказал он, – только если я действительно не помешаю.

– Тропинка, пожалуй, узковата для четверых, ваша светлость, – жестко сказал мистер Рейберн.

Джейн резко дернула его за руку:

– Глупости! В тесноте да не в обиде, кроме того, возле реки вполне свободно. Мы с вами, мистер Рейберн, пойдем впереди, а его светлость и мисс Эмили пойдут следом.

– Благодарю за приглашение, – сказал герцог.

Он спешил, передал поводья своему конюху, а затем протянул Эмили руку. Джейн тем временем уже выполняла свое обещание или угрозу и уводила мистера Рейберна вперед. Удаляясь, она оглянулась и через плечо взглянула на Эмили с победоносной улыбкой.

Выбора не оставалось. Ее пальцы, обтянутые перчаткой, проскользнули под его руку, согнутую в локте, и она наконец позволила герцогу идти по тропе подле себя. Остальные гуляющие, проходя мимо, устремляли на них жадные взоры, но

она изо всех сил старалась не замечать их, внимательно глядя под ноги, опасаясь любого препятствия, которое только и ждало того, чтобы она споткнулась, в очередной раз став предметом для сплетен.

– Надеюсь, я не прервал какой-нибудь важной доверительной беседы между вами и вашими друзьями, леди Эмили? – тихо спросил герцог.

Она взглянула на него и тут же пожалела об этом. Какие же у него невыносимо голубые глаза!

– Нет, конечно, ваша светлость. У нас с мисс Торнтон была возможность посекретничать по дороге сюда, а мистер Рейберн... Видите ли, он не настолько близкий друг.

– Возможно, он скорее поклонник, нежели друг? – спросил он с иронией. Но цели не достиг. Эмили не привыкла к такому и почувствовала, как щеки зарделись румянцем.

– Он... Нет, конечно же нет. Я... Мы только... Нет.

– Простите меня, леди Эмили. Я настолько привык подтрунивать над своими сестрами и кузинами, когда речь заходит об их почитателях, что порой забываю, как нужно вести себя в приличном обществе.

«Ах да, конечно, его семья. Какой же занудой я, должно быть, кажусь на их фоне».

– Мистер Рейберн отнюдь не мой поклонник, ваша светлость.

– Неужели? По-моему, очень глупо с его стороны.

– Я... – Она не знала, что ответить, и вряд ли смогла бы признаться, что у нее и вовсе нет почитателей, по поводу которых он или кто бы то ни было могли шутить. – Как поживает ваше семейство, ваша светлость? Я не встречала никого из них со дня приема в поместье Вельбурн.

– О, их здоровью можно позавидовать! Моя сестра Шарлотта уже совсем скоро ждет появления своего первенца.

– Неужели? – Эмили была потрясена.

Она хорошо помнила Шарлотту Фитцмэннинг, с непослушными волосами, в неряшливом платье и с целой сворой мопсов. Эмили знала, что та вышла замуж за Эндрю Бэссингтона вскоре после того приема и теперь, вполне логично, готовилась стать матерью. У Шарлотты теперь своя семья, а ей остается лишь завидовать.

– Передайте ей мои наилучшие пожелания, ваша светлость. Кого бы вам хотелось – племянника или племянницу?

– Не имеет значения, главное, чтобы и малыш, и моя сестра были здоровы. – Он взглянул на синевато-зеленую гладь озера, переливавшуюся солнечными бликами, по которой дети пускали кораблики и беззаботно смеялись. Ей показалось, или тень пробежала по его лицу, и он нахмурился.

– Я уверена, что с ними все будет хорошо, – тихо сказала Эмили. – Мне показалось, ваша сестра довольно крепко сложена.

Таинственная тень исчезла с его лица, и он засмеялся:

– Это точно. У меня уже есть одна племянница, маленькая Кэтрин, дочь моей сестры Жюстины. Уверен, она была бы рада иметь маленькую подружку.

– Мне бы тоже хотелось иметь племянницу, – сказала Эмили, легким жестом указав на очаровательную рыжеволосую малышку, еще неумело шагавшую у самого края воды, пока ее няня флиртовала с лакеем. Девочка махала ручками и заливалась радостным звонким смехом. – Быть может, она была бы похожа на эту прелестницу...

– Отличный выбор, леди Эмили. – Он снова вел ее под руку вдоль дорожки, приближаясь к озеру. – Надеюсь, вы действительно остались невредимы после бала? Ваше падение...

Несколько ребят промчались мимо и чуть не увлекли Эмили за собой, она рассмеялась:

– Пустяки, ваша светлость. Хотя если бы вас не оказалось рядом, боюсь, все могло бы закончиться гораздо хуже.

– Вы, вероятно, забыли: моя миссия на балах – спасти благородных девиц.

– Думаю, вам не стоит особенно широко распространяться об этом, иначе юные леди будут сотнями падать в обморок у ваших ног в надежде на спасение.

– Что вы, леди Эмили! Это шутка. – Он засмеялся немного испуганно.

Эмили задумалась на мгновение.

– Мне кажется, похоже на правду.

– Боюсь, в этой шутке определенная доля печальной истины.

– Думаю, вам не о чем беспокоиться, ваша светлость. Большинство светских дам не столь неповоротливы, как я, и, скорее всего, не упали бы, даже если очень захотели.

– Рад слышать. Я бы просто не смог тратить все свое время на спасение девушек, лишившихся чувств. И кстати, я ни за что не поверю, что кто-то способен назвать вас неповоротливой, леди Эмили.

– Ах, как же вы ошибаетесь, – отозвалась она, вздохнув. – Мне кажется...

В это время краем глаза Эмили заметила быстро промелькнувшую тень, необъяснимую и слишком темную для такого ясного дня. Она резко обернулась и, к ужасу своему, увидела, как лошадь, запряженная в небольшой экипаж, вырвавшись от кучера, во весь опор понеслась по мостовой, прямо на маленькую рыжеволосую девочку. Кучер, юноша, бледный от ужаса, упустил поводья. Прохожие, что оказывались на пути у безумной лошади, визжа, буквально выскакивали из-под ее копыт. Маленькая девочка продолжала беспечно играть.

– Нет! – закричала Эмили и бросилась к ребенку, но зацепилась за собственный подол, споткнулась и замешкалась.

У герцога подобной проблемы возникнуть не могло. Он опередил Эмили так стремительно, как только несли его длинные сильные ноги, вырвал малышку уже почти из-под самого экипажа и подхватил ее на руки за секунду до того, как она оказалась бы под колесами. В прыжке он перелетел через насыпь, и оба они оказались в тихих водах озера.

Напуганная до безумия, Эмили приподняла злосчастный подол и бросилась к воде теперь уже вместе со всеми остальными. Экипаж наконец остановился в некотором удалении от них, но Эмили этого уже не заметила. Все, что она могла видеть сейчас, – волны, расходящиеся от того места, где герцог исчез в воде.

Наконец он появился. Девочка отчаянно держалась за него. Оба промокли до нитки, но малышка радостно смеялась, пока Николас пытался отдышаться. Комок водорослей запутался в его мокрых волосах, теперь скорее зеленых от тины, нежели золотистых. Однако в глазах Эмили он вовсе не выглядел смешным.

– Китти! – кричала няня, пробегая мимо Эмили, мгновенно позабыв о шашнях с лакеем. – Ах, боже мой! Она не ранена? Не ранена?

Герцог вброд пробирался к берегу, на ходу выплевывая воду, которой немало успел наглотаться.

– Не думаю, мисс. Хотя она издает чертовски громкие звуки.

Он медленно взобрался на насыпь, девочка по-прежнему висела на нем, обняв за шею и все так же восторженно хихикая. Его изящный костюм был безнадежно испорчен. Он бережно передал девочку ее няне.

– Впредь не спускайте с нее глаз, – посоветовал он довольно резко.

– О да, сэр! Конечно! – вся в слезах, отвечала няня. – Спасибо вам огромное! Как я могу отблагодарить вас? Я отвернулась лишь на мгновение...

– Как видите, мгновение решает все, – сказал он и тяжело опустился на траву, сжав голову ладонями, когда служанка с девочкой на руках уже уходила, а толпа зевак постепенно рассеивалась, так как драма благополучно завершилась. Мгновение – и все опустело.

– Ах, ваша светлость... – Эмили опустилась на колени возле герцога и обнаружила, что вся дрожит. Как близок к трагедии был этот несчастный ребенок! Если бы не герцог... – С вами все в порядке?

Он кивнул, его тоже била дрожь.

– Все хорошо, леди Эмили. Со мной случались вещи и похуже.

Он медленно опустил руки, и она заметила, что лицо его немного бледно, но не выражает никаких эмоций. Он снял сапоги и по очереди вылил из каждого воду, потом снял сюртук и выжал рукава.

– Не думал, что они начнут со столь раннего возраста, – пробормотал он.

– Ваша светлость? – спросила Эмили в некотором замешательстве. Быть может, он ударился головой, когда выбирался из воды? Что означают его странные слова?

– Начнут искать у меня спасения, – сказал он. – Вы же сами предупреждали меня.

Она засмеялась:

– Да уж, действительно. Однако спасти придется вас, если вы как можно скорее не отправитесь домой и не переоденетесь в сухую и теплую одежду.

– Я в порядке, леди Эмили. Для начала нам нужно найти ваших друзей.

– Да, конечно! – Она совершенно забыла о них, как, впрочем, и обо всем на свете.

Эмили подняла глаза и увидела Джейн, спешащую к ним с горящим от возбуждения взором. Мистер Рейберн следовал за ней и был, казалось,

несколько удручен разыгравшейся сценой.

– Уже не нужно, они здесь, – сказала Эмили.

– Ах, ваша светлость! Это было просто изумительно, – восхищалась Джейн. – Вы герой!

– Вовсе нет, мисс Торнтон, – ответил он, поднимаясь с травы и протягивая руку Эмили. – Я действовал исключительно инстинктивно, так же как и любой другой на моем месте.

«Однако никто другой не бросился спасать, – подумала Эмили. – Только он один». Стоило ли ей теперь пересмотреть свое мнение о герцоге как о человеке пустом и ищущем одних лишь удовольствий?

– Я слышал, ты сегодня была в парке, Эм, когда герцог Мэннинг совершил столь бесстрашный поступок.

Эмили оторвала взгляд от книги, когда ее брат вошел в гостиную.

– Да, была, Роб, так же как и добрая половина всего Лондона.

Матушка тут же бросила свое вышивание:

– Герцог Мэннинг? И ты была там, Эмили? Почему же ты ничего не сказала об этом?

Она просто не знала, что сказать, понимала: мама будет безумно взволнована и возбуждена от одной только мысли, что она просто видела герцога. Ее матушка непременно раздула бы из этого целое событие, придала бы невероятное значение. Эмили чересчур устала для всего этого и была крайне озадачена всем произошедшим.

Кроме того, ей хотелось оставить все увиденное сегодня при себе, хотя бы на некоторое время, чтобы попытаться разгадать и обдумать. Ей бы определенно не удалось это сделать под бесконечные разговоры всего ее семейства.

Впрочем, молчать и дальше, похоже, уже не представлялось возможным.

– Эмили! – позвала мама. – Ты меня слышишь? Почему ты не сказала мне, что видела герцога Мэннинга в парке? Он говорил с тобой?

Эмили аккуратно закрыла книгу:

– Полагаю, это просто вылетело у меня из головы.

– Вылетело из головы? – вскрикнула мать.

– Ты очень странная девушка, сестренка, – заметил Роб. Он наклонился над креслом Эмили, чтобы рассмотреть ее книгу, и каштановые волосы упали ему на лоб. «В этот момент он совсем не похож на важного перспективного политика, – подумала Эмили, – все тот же славный юный братец». – Уверен, любая другая наверняка бы запомнила, если бы герцог у нее на глазах спас ребенка из-под колес экипажа, а после этого еще и ушел, держа ее под руку.

– Что?! – воскликнула мать и в сердцах бросила на пол свое шитье. – Эмили, ты сейчас же расскажешь мне обо всем!

– Все было совсем не так, – протестовала Эмили. – А откуда ты знаешь об этом, Роб?

– Эйми встретила сестру Джейн Торнтон у модистки. Но не имеет никакого значения, откуда знаю я, об этом знает уже весь город. Ничего подобного в парке не происходило уже тысячу лет. – Роб тихонько дернул Эмили за локон. – Говорят, ты рыдала и вытирала пот с его лба.

– Он так промок после падения в реку, – ответила Эмили. – И я не рыдала. Хотя, естественно, я очень испугалась за бедную девочку.

– Да, ее было бы чрезвычайно жаль. Это избалованный отпрыск лорда и леди Хэмптон. Я слышал, теперь они прославляют Мэннинга как величайшего героя.

– Так скоро? – удивилась Эмили. – А это откуда тебе известно?

– Эйми встретила тетушку леди Хэмптон, возвращаясь от модистки. Эйми – превосходный источник информации, – восхитился Роб.

– Ты хотел сказать, большая сплетница, – подытожила Эмили.

– Как ни называй, сестренка, но это качество весьма полезно. Между прочим, оно явилось одной из многочисленных причин женитьбы на ней. Это помогает налаживать связи в обществе.

– Вы двое, хватит спорить! – прикрикнула на них мать. – Эмили, немедленно расскажи, что произошло в парке.

Эмили в сокращенном варианте поведала ей историю спасения девочки, опуская большую часть подробностей с собственным участием и оставляя при себе свои переживания. Но слушая даже этот весьма урезанный рассказ, матушка беспрестанно вздыхала.

– Какая героическая история! – сказала она, прикладывая носовой платок к уголкам глаз. – Как бы гордился наш добрый друг, ныне покойный герцог. И подумать только, ты была там, Эмили!

– Там были все, мама, – снова запротестовала Эмили.

– Но никто, кроме тебя, не пришел ему на помощь, только ты, моя дорогая. Теперь твое имя определенным образом связано с ним.

– Молодчина, Эм! – одобрил Роб.

– Да я ничего и не сделала! Он едва ли даже заметил меня! – тщетно оправдывалась Эмили.

– Возможно, после всего случившегося нам стоит отпустить тебя в Воксхолл с мисс Торнтон и ее сестрой, – сказала мать. – Сначала я сомневалась по этому поводу, но такой замечательный поступок заслуживает награды. Тем более никакого вреда не будет, ведь ты в сопровождении уважаемых друзей.

– Seriously? Ты действительно отпускаешь меня в Воксхолл? – в изумлении переспросила Эмили.

Матушка колебалась, когда она получила приглашение от Джейн, теперь же с радостью позволяла ей пойти.

– Конечно, моя дорогая. Ведь герцог, должно быть, тоже будет там, и тебе непременно нужно воспользоваться этим шансом.

Эмили вышла из гостиной, предоставляя матушке и брату счастливую возможность обсудить происшествие в парке и его возможные последствия. Судя по всему, они полагали, будто герцог наконец заметил Эмили.

Только в своей комнате Эмили смогла наконец скрыться от этих разговоров в объятиях тишины и, подойдя к окну, вглядывалась в сгущающиеся сумерки. Окна ее выходили на крохотный темный сад и конюшни за ним. Вокруг царила тишина, так как вся семья занималась приготовлениями к выходу в театр, на прием или званый ужин. Небо было бледно-розовым и плавно, словно размытая акварель, переходило в серый.

«Интересно, что сейчас делает он? – думала Эмили. – Возможно, собирается в город насладиться собственной славой героя?» Но она надеялась, что он останется дома, чтобы отдохнуть и согреться как следует возле камина, дабы не простудиться после своего так называемого купания.

Неожиданно она так ясно представила герцога Николаса сидящим у огня, уютно устроившись с книгами и ужином на подносе. Именно таким ей представлялся идеальный вечер. Что, если бы и она тоже была там? И они бы сидели рядом, жарили сыр над огнем, смеялись над глупыми сплетнями? Он бы протянул к ней руку и...

– Нет! – громко сказала она и рассмеялась своим фантазиям.

Он не похож на человека, который с удовольствием проводит вечера в тишине и уюте собственного дома. Герцоги всегда очень заняты, их все хотят видеть, даже если они не являются героями дня. А в его семье, похоже, особенно любили всевозможные увеселительные мероприятия, танцы, музыку и шутки.

И все же сегодня она заметила в нем нечто совсем другое, незнакомое. Она и прежде не сомневалась в его смелости. Когда они были в поместье Вельбурн, он всегда гнал во весь опор, верхом и управляя экипажем, бесстрашно плавал в озерах и взбирался в горы. И танцевал всю ночь напролет. Но сегодняшний случай совсем иного рода. Он рисковал собой ради спасения чужого ребенка. Без малейшего колебания бросился на помощь, в то время как все остальные разбегались или стояли, замерев от ужаса. И она была в числе остальных.

Уже когда все благополучно разрешилось, он выглядел по-настоящему потрясенным, словно только теперь в полной мере осознал опасность, которая грозила маленькой девочке. И самой малышке, казалось, совсем не хотелось расставаться со своим спасителем, так же как и всем девушкам.

Эмили покусывала ноготь большого пальца, глядя в небо, медленно утопавшее в темно-синих сумерках. Преподавание у миссис Годдард было для Эмили не только возможностью обучать девушек письму и французскому, но позволяло и ей самой многому у них научиться. Они не особенно распространялись о шокирующих подробностях своей прошлой жизни в ее присутствии, но кое-что она все-таки слышала. Например, рассказы о том, что мужчинам, особенно богатым и знатным, доверять не стоит. О том, как они использовали людей, и в частности женщин, в своих эгоистичных целях, а потом бросали их без всякого сожаления. Она работала в школе миссис Годдард еще и потому, чтобы помочь женщинам оправиться от этих ужасных, жестоких потрясений, и искренне хотела быть им полезной.

Герцог Мэннинг – богатый и знатный мужчина, сын известного распутника, человека, оставившего жену, мать собственного наследника, и женившегося на любовнице, как только его бедняжка жена отошла в мир иной. Тем не менее сегодня Эмили не увидела и тени эгоизма или беспечности в его действиях.

Был ли это только порыв? Не исключено, уже завтра он вернется к обычной жизни семейства Мэннинг, беззаботной и скандально известной. А может быть... может быть, таким он был на самом деле, в глубине души, спрятанной от большинства окружающих.

Эмили была озадачена, сбита с толку, и ей совсем не нравилось ощущение неопределенности. Может, матушка права, и герцог появится на маскараде в Воксхолле. И тогда, если она встретит его, будучи в маске, и он не узнает в ней леди Эмили Кэрролл, ей, возможно, удастся разглядеть настоящего герцога

Мэннинга, а не тот образ, к которому привыкли в свете. План как минимум безрассудный, но другого у нее пока не было.

Глава 5

– Ты весь день молчишь, Ник. Что-то случилось?

– Ты что-то сказал, Стивен? – Николас оторвал взгляд от ночных улиц, мелькавших за окном экипажа, и посмотрел на брата.

Стивен перебирал в руках один из своих многочисленных талисманов на удачу, что, как правило, ничего хорошего не предвещало. Хотя как знать, возможно, Николасу тоже стоило обзавестись талисманом. Удача сейчас совсем не помешает.

– Я говорю, ты как-то особенно молчалив сегодня, совсем на тебя не похоже. Обычно тебя невозможно заставить закрыть рот.

Николас бросил свою черную атласную маску брату в лицо. Стивен, смеясь, отбил ее рукой, но в этот момент уронил свой талисман. Николас подхватил его и принялся рассматривать в лучах лунного света. Это была крошечная золотая подкова. Ее яркое золотистое сияние напомнило герцогу блеск шелковых прядей леди Эмили Кэрролл.

– Знаешь, мне нужно очень о многом подумать.

– Полагаю, ты имеешь в виду герцогские обязанности?

– Несомненно. И если ты планируешь отпускать свои шуточки относительно моих дел, я, пожалуй, посмотрю, как с ними справишься ты. В конце концов, ты наследник. Ты станешь герцогом, а я отойду от дел и отправлюсь жить на какой-нибудь солнечный остров, где не нужно будет ни следить за имением, ни собирать всех родственников вместе.

Николас крепко сжал талисман в ладони. Он понимал, что был груб с братом, и теперь сожалел об этом. Конечно, Стивен не виноват в его странном расположении духа. Он не мог выбросить из головы случившееся сегодня. Образ маленькой девочки перед лицом неминуемой опасности снова и снова оживал в памяти.

И снова он будто бы видел взгляд леди Эмили Кэрролл, когда она опустилась на колени рядом, ее зеленые глаза, потрясенные, полные ужаса и смущения. Она видела его уязвимым, искренне переживающим, что могло быть хуже. Это почти пугало его, но он не мог понять почему.

Стивен поднял руки вверх в знак того, что сдается:

– Не имею ни малейшего желания примерять на себя роль герцога. Это чертовски большая обуза, кроме того, она озлобляет человека. А наследник я лишь до тех пор, пока ты не женишься и не обзаведешься такими же сердитыми маленькими Мэннингами.

Но случиться этому сейчас не суждено, во всяком случае после всего того, что он пережил с потерей Валентины и их маленького сына. Николас спрятал лицо в ладонях, потом провел ими по волосам, приведя их в совершенный беспорядок.

– Прости, Стивен, не знаю, что сегодня со мной такое.

– Полагаю, герой дня имеет право на гадкое настроение время от времени.

– Повторяю, я поступил так, как любой другой, увидев, что ребенку грозит опасность.

– Скажи это чете Хэмптонов. Вся гостиная в Мэннинг-Хаус забита цветами, которые они прислали в знак бесконечной благодарности. И я слышал, они прославляют твое имя по всему городу.

– Очень надеюсь, они прекратят все это как можно скорее.

Николасу казалась абсурдной и даже жестокой столь ярая благодарность лорда и леди Хэмптон за спасение их ребенка, в то время как он не смог спасти своего.

И героем себя вовсе не чувствовал.

– На твоём месте я бы не торопился изображать скромность, Ник. Теперь все девушки будут обожать тебя ещё больше. – Стивен ухмыльнулся. – И может быть, одна из них особенно страстно...

Николас ответил на усмешку весьма суровым взглядом, который, однако, не поставил брата на место.

– И кого же ты имеешь в виду?

– Я был сегодня в клубе, и там поговаривают, что леди Эмили Кэрролл была чрезвычайно обеспокоена твоим падением в Серпантин. Я слышал, она даже положила твою голову себе на колени и бережно вытирала твой мокрый лоб.

– О, черт возьми! – Николас отчаянно сжал кулак, и талисман, зажатый в его руке, врезался в кожу острыми золотыми краями. Одних лишь слухов о нём и леди Эмили оказалось достаточно, чтобы создать столь отвратительную ситуацию. – Все было совсем не так. Мы просто прогуливались с ней, когда это произошло, и это все.

– Ты прогуливался с леди Эмили Кэрролл? – удивился Стивен и даже выпрямился, заинтересованный. – Но ты ей совсем не понравился прошлым летом в Вельбурне, несмотря на все усилия её родителей свести вас вместе.

– Да, тогда действительно показалось, что она далеко не в восторге от меня, – ответил Николас. – Думаю, мы все отнеслись к ней недостаточно серьёзно.

Стивен пренебрежительно фыркнул:

– Даже Сократ не был бы для неё достаточно серьёзен! Она вообще когда-нибудь улыбается?

О да, она улыбалась, и это было подобно солнечному свету, пролившемуся вдруг с небес сквозь облака. Правда, улыбка всегда слишком быстро исчезала.

– Я встретил ее в парке и предложил пройтись из вежливости, мы прогулялись немного вместе. – Николас не считал необходимым упоминать о том, что на самом деле он намеренно последовал в Гайд-парк за ней. – Мне очень жаль, если я стану поводом для каких-то пересудов о ней.

– Я допускал, что все эти истории несколько преувеличенны. Я даже не поверил, что вы действительно были в парке вместе. Тебя не обожгло холодом, когда она взяла тебя под руку, Ник?

Ее ладонь была теплой. Теплой и нежной, даже чуточку дрожала, когда она взяла его под руку. И пахло от нее прекрасными летними розами.

– Не будь дураком, Стивен. Она вовсе не Ледяная Принцесса, что бы там ни говорили эти тупицы в твоём клубе.

– И все же, я думаю, она заслужила, чтобы ее так называли. Я никогда не встречал такой тихой, спокойной, невозмутимой леди. Говорят...

– Хватит! – закричал Николас. – Не хочу слышать больше ни слова о леди Эмили. Мы с тобой отлично знаем, каково это – быть предметом праздных пересудов. И мы не станем незаслуженно приписывать неприглядные поступки ни в чем не повинной леди.

– О да, конечно. Ты совершенно прав, Ник. – Стивен выглядел удивленным и несколько пристыженным. – Я отнюдь не хочу быть несправедливым к леди Эмили, тем более если она тебе нравится.

– Она мне не нравится. Я просто ненавижу сплетни. Они повсюду, и им нет конца.

– К тому же ты слишком много работаешь, братец. Мы славно повеселимся сегодня в Воксхолле, уверен, там будет все, что тебе сейчас нужно. Вино, музыка, красивые женщины – и ты снова станешь собой. А я впредь буду больше помогать тебе, обещаю.

– Твоя задача – успешно воплотить в жизнь идею с ипподромом. И вполне возможно, ты прав, мне действительно нужно немного развлечься, – сказал

Николас, хотя в глубине души не был в этом уверен. В его семье считали, что немного веселья и развлечений способны решить любые проблемы, но, похоже, это больше не действовало. И меньше всего ему хотелось провести очередную ночь в незнакомой шумной толпе, где нет ни свободной минуты, ни места, чтобы уединиться, все обдумать и осознать. С другой стороны, возможно, уходить в свои мысли ему сейчас как раз и не стоило.

Николас бросил талисман назад Стивену. Тот поймал его ловким движением и протянул руку за своей упавшей маской. Когда они пересекли мост, яркие огни Воксхолла стали заметно ближе, а поток экипажей гораздо плотнее, поскольку решительно весь город устремился на маскарад.

Николас надел маску и еще глубже спрятался в капюшоне своего черного балахона. Он с удовольствием выпил бы сейчас пунша, который в Воксхолле особенно хорош, и, следуя совету Стивена, нашел бы какую-нибудь красотку. Он смог бы забыться в объятиях девушки пухленькой и рыжеволосой, без малейшего намека на изящную, словно фарфоровая кукла, блондинку. Пожалуй, слишком давно он не делал ничего подобного. И тогда, возможно, уже завтра его наконец перестанут преследовать эти трепетные изумрудные глаза.

– Ах, Эмили, разве это не чудесно? – прошептала Джейн, когда они входили в Воксхолл, где тесная очередь любителей повеселиться растекалась в разных направлениях.

Эмили смотрела по сторонам, оглядывая все вокруг. Это действительно чудесно и так необычно. Она не связывала с этим выходом в свет каких-то особенных ожиданий. Эмили много слышала и читала об увеселительных садах, была уверена наперед, будто знает все, что там будет, и отправилась исключительно из любопытства, побывать там и забыть об этом раз и навсегда. Кроме того, она все равно не могла отделаться от приглашения Джейн, а матушка на удивление легко отпустила ее.

Но оказалось, читать об этом и увидеть все собственными глазами – впечатления несравнимые. Сады оказались просто ошеломительными, как из самых сказочных снов. Мир, ничем не напоминавший ее обыденную жизнь, подчинявшуюся разуму и чувству долга. Здесь могла быть кто угодно, только не Эмили.

Возможно, в этом и заключался смысл любого маскарада. На какое-то время можно сбежать, скрыться от утомительной повседневности, от самого себя.

Эмили крепко держала Джейн за руку, пока они следовали за ее сестрой по центральному проходу, и старалась не оглядываться вокруг с открытым ртом, словно провинциальная девчонка. Справа от них располагалась Центральная площадь Воксхолла, которую она увидела сквозь ровные аккуратные промежутки между деревьями. Там светили тысячи фонарей со стеклянными плафонами, ограненными так, чтобы свет их переливался. Их блики, отражаясь от ветвей и листьев, заливали теплым янтарным светом фантастические костюмы сотен гостей, проходящих мимо.

– Мы словно в одной из сказок «Тысячи и одной ночи», – прошептала Эмили. – Все это так нереально.

– Не могу поверить, что мы здесь, – сказала Джейн, поправляя складки своего костюма греческой богини. – Кстати, как ты убедила родителей отпустить тебя?

– О, это было совсем не трудно.

С тех пор как ее имя стали связывать с героическим случаем в парке с участием герцога, они готовы были позволить ей все, что угодно. Матушка даже предложила Эмили в качестве костюма одно из своих старых платьев – замысловатое, но тонкое творение из зеленого атласа и золотых кружев, которое было на леди Морби в ее дебютный сезон. В этом платье, парике из иссиня-черных высоко зачесанных кудрей и золотой шелковой маске Эмили действительно чувствовала себя кем-то другим.

К несчастью, она надела еще и мамины старые туфли на высоких каблуках, и теперь ее не покидало чувство, что она может упасть в любой момент.

– Как бы то ни было, ты справилась, и я этому безмерно рада, – добавила Джейн. – Уверена, мы сегодня славно повеселимся! Посмотри вон на того мужчину в костюме крестоносца. Как ты думаешь, кто бы это мог быть? У него такие соблазнительно широкие плечи.

Эмили засмеялась, но поймала себя на мысли, что плечи крестоносца показались ей далеко не столь привлекательными, как плечи герцога. Он был очень силен,

подхватил девочку так легко и быстро, будто она совсем ничего не весила. Точно так же он поймал и ее, когда она падала со ступеней, и держал ее так легко. И так близко к себе...

Внезапно она вступила на плохо утрамбованный гравий, и ее каблук провалился. Ругая собственную рассеянность, она высвободила ногу и поторопилась за Джейн и ее сестрой, миссис Барнс, которые уже заходили на Центральную площадь. Она находилась в роще между параллельными аллеями, Большой и Южной, и обрамлялась четырьмя классическими колоннадами, которые поддерживали ложи для трапезы. В центре играл оркестр, и под его ритмичную танцевальную музыку гости прибывали, общались между собой, смешиваясь с толпой, приветствовали друзей и, конечно, искали подходящих претендентов для флирта или романа, стараясь разгадать, кто и под какой маской скрывается.

Еще большее количество сверкающих фонарей пряталось в деревьях и освещало колоннады так ярко, словно стоял ясный полдень. Мистические, сказочные, загадочные персонажи в костюмах королей и придворных дам, греческих богов и богинь, пастухов и пастушек, фигуры в черных балахонах плавно скользили по саду, то появляясь в свете фонарей, то снова исчезая в тени. От этого беспрестанного движения у Эмили закружилась голова, словно она попала внутрь огромного калейдоскопа, который не прекращал вращаться.

Она снова запнулась, но кто-то поймал ее за руку прежде, чем она упала. Подняв глаза, она в изумлении увидела, что это один из тех людей в балахонах. Черная атласная маска скрывала большую часть лица, придавая ему несколько зловещий вид, будто веселый волшебный праздник вдруг посетил демон.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мейфэр – один из наиболее престижных, фешенебельных районов Лондона.
(Примеч. пер.)

2

Здравствуйте, девушки! Как сегодня ваши дела? (фр.)

3

Воксхолл-Гарденз – увеселительный сад в Лондоне, одно из главных мест общественного отдыха и развлечений с середины XVII до середины XIX в. Был популярен среди всех слоев общества и известен как место романтических свиданий в темных аллеях.

4

Оконный налог взимался с каждого окна начиная с шестого; действовал в Великобритании с 1696 по 1851 г.

5

Хардвик-Холл – замок в Англии конца XVI в., более половины стен которого составляют стеклянные окна.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makkeyb_amanda/puglivaya-gercoginya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)